

Анастасия Гор

КОВЕН ОЗЕРА
ШАМПЛЕЙН

18+

КОВЕН МЕРТВ. ДА ЗАДРАВСТВУЕТ КОВЕНИ

Анастасия Гор
Ковен озера Шамплейн
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»
Серия «Ковен», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63969301
Ковен озера Шамплейн: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-112010-8

Аннотация

Ковен – это община. Ковен – это семья. Одри Дефо было суждено встать во главе одной из таких семей, но ковен был уничтожен ее одержимым братом. Теперь Одри в бегах и использует магию только для безбедного выживания.

Но однажды на ее пути появляется Коул Гастингс – молодой детектив, страдающий аутизмом. Он видит то, что никому из смертных видеть не под силу. И чувствует связь между ритуальными убийствами в городе Бёрлингтон и историей Одри.

Коул клянется спасти девушку в обмен на помощь в расследовании. В конце концов, ковен – это семья, а что ещё создает новую семью, если не обещание?

Содержание

Пролог	5
I. Новый Орлеан	10
II. Яблочный пирог	34
III. Лев и дева	59
IV. Бёрлингтон	82
V. Могилы ведьм	115
VI. Секрет крыс	159
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Анастасия Гор

Ковен озера Шамплейн

© Гор А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Шалфей. Чай, солоноватый и приторный, с щепоткой ке-
нийского перца – наполненные до краев пиалы, на сутки сме-
стившие со стола кофе и традиционное какао со взбитыми
сливками. *Лаванда.* Сиреневый бархат на дне ступки, высу-
шенный и перемолотый, – щедрая почесть огню, шепчущему
в камине. *Польнь.* Ароматное тление свежесрезанных стеб-
лей, омывающее дымом углы и изголовья детских постелей.
Духовная чистота пространства – синоним физической без-
опасности. По преданиям, ничто не отпугивало злых духов
лучше, чем священные травы, которые моя семья проносила
в подожженных вазочках через все комнаты дома накануне
Имболка.

– Чем ты меня напоил?

Перечная мята, въевшаяся в кашемир его свитера. *Гвоз-
дика,* напоминающая о варящемся в котелке пряном вине и
скором ужине, на котором обещали подать домашнюю утку
с брусникой. *Дурман,* соком которого пропитались его рука-
ва и пальцы, пока он сидел на чердаке пять часов кряду и
готовил заклинание, до того безобразное, что оно извращало
саму природу колдовства.

Беззвучная вспышка молнии за окном напомнила мне о
бесчисленных ночах, проведенных вместе под овчинным по-
крывалом. Черно-белое кино на проекторе и подгоревший

соленый попкорн. Сплетение рук и ног в самых надежных на свете объятиях. Мы могли бы лежать так всю жизнь, наплевав, что в таком огромном особняке полно свободных спален. Мы бы могли...

Маттиола, которую он тайком подмешал мне в напиток.

– Чай, – снова прохрипела я, разлепив отяжелевшие веки и увидев лицо брата, примостившегося на краю подушки. – Это был не шалфей. Ты дал мне другую кружку. Там был левкой, да? Я не сразу узнала вкус.

– Да, цветочный мед превосходно притупляет горечь левкая, – нежно улыбнулся он, любуясь тем, что сотворил со мной. – Радуйся, что это не тетушкин ксанакс.

Я застонала, когда меня скрутил приступ головной боли. Она прошила виски, и я перевалилась на спину, подавляя рвотный позыв. Брат насильно вернул меня на прежнее место, сцепив руки замком под ноющими ребрами. Все, что я могла сделать, – это сжимать пальцы, силясь стряхнуть онемение с тела, как птица стряхивает с перьев воду.

– Зачем? – спросила я, мечтая отстраниться от влажного дыхания брата, когда он придвинулся слишком близко. Нам двоим на одной подушке сделалось тесно. – Не помню, чтобы я страдала бессонницей.

– Иначе ты бы мешалась.

– Мешалась?

– Да. И злилась, а я очень не люблю, когда ты злишься.

Нежный поцелуй в лоб ничуть не утешил. Брат провел ру-

кой по моей расплетенной косе, длинной, неподъемной, – из года в год он отговаривал меня состригать волосы.

– Как же Имболк? – Я встрепелулась, и тяжелая медовая дремота наконец-то начала отступать, возвращая голосу силу, а мышцам подвижность. – Только не говори, что пытался досадить ковену, заставив меня проспять шабаш! Который час? Празднество уже началось?

– Нет, не началось. – Брат бесцеремонно оттянул назад мою голову, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. – И никогда не начнется. Маленькой Верховной не к чему тревожиться. Мы всегда предпочитали общество друг друга, давай снова посмотрим «Кошачий глаз» и закажем пиццу. Помнишь, в детстве мы мечтали, как однажды сбежим отсюда и создадим собственный ковен?..

Слюна во рту стала вязкой, и предчувствие беды перестало тихо скрестись в грудной клетке – теперь оно вопило.

– Что ты сделал?

– Где не будет никаких правил... – продолжал брат, не слушая.

– Джулиан... Что ты сделал?!

– Где мы будем только вдвоем.

Бессмысленные слова. Бессвязные мысли. Его кожа – болезненно горячая. Я иступленно заерзала, борясь с желанием сдаться... И с нарастающим гневом. Мой брат – сумасбродный, импульсивный – мог напугать кого угодно, но только не меня. Невзирая на его бред и снотворный на-

стой, которым он меня напоил. Несмотря на тошнотворные поцелуи, хаотично сыплющиеся на мои ключицы... Он не был способен навредить ни мне, ни кому-либо другому. Не был...

Шалфей. Лаванда. Полынь.

Мята. Гвоздика. Дурман. Маттиола...

Железо, которым пропитался каждый сантиметр этого дома, раз и навсегда вытеснило из него все прочие запахи.

Джулиан ткнулся носом мне в шею.

— Ковен нас недостойн.

Моя рубашка задралась, и под ней я почувствовала его холодные руки, липкие и мокрые. Густая слизь пропитала хлопок, вызвав волну омерзения, еще более сильную, чем вызывали его поцелуи. Задержавшись и высвободившись из плена одеял и властных объятий, я перекатилась на другую сторону кровати и включила торшер.

— Что-то не так? — спросил Джулиан с бездушной улыбкой на рябиновых губах, подставляя под свечение ночника окровавленные руки. Его свитер был облеплен багровыми ошметками человеческой плоти. — Ах да. Ты слышишь это? Именно так звучит тишина! Кто бы подумал, что цена пяти минут покоя в собственном доме окажется так несущественна. Шестеро Дефо. Четыре атташе. Пять семей. В сумме тридцать семь душ. Я похож на ту раковую опухоль, что убила нашу мать, только управился быстрее. «Верховная умерла — да здравствует Верховная!» Ты плакала, когда услышала это.

«Ковен умер – да здравствует ковен!» Так звучит гораздо лучше. И плакать совсем не хочется, правда же?

* * *

Я распахнула глаза и, проглотив крик, резко села на подушках, убирая с лица всклоченные волосы, что приклеились к щекам от холодного пота.

– Надо уходить, – прошептала я и вгляделась в матовую темноту, которая простиралась до парадной двери и рассеивалась снаружи, уступая мерцанию садовых ламп.

Там, со следами от жесткого матраса и потекшей косметики на лице, босиком стояла Рэйчел. Мое пробуждение не стало для нее сюрпризом: передернув затвор карабина, она сдержанно кивнула. Зигзагообразные узоры татуировки, пересекающие ее шрамы под лямками майки, пульсировали огненным светом в такт моему сердцебиению.

– Да, я знаю, – тихо ответила Рэйчел. – Слишком поздно. Достань гримуар и спрячься. Он уже здесь.

Где-то вдоль аллеи мелькнула тень, затмевая свет ламп. В дверь постучали.

I. Новый Орлеан

«Н».

Я крепко зажмурилась, успев разглядеть следом «О» и «В», а затем все же пересилила себя и дочитала до конца.

«Новый Орлеан».

– Свиной чертополох! – выругалась я и, потупившись от осуждающего прищур многодетной мамы за соседним столиком, нечаянно смахнула локтем костяные кубики с рунами, вырезанными на каждой из граней.

Они рассыпались по бледной коралловой плитке, привлекая ко мне нежеланное внимание.

– Ладно, – истерически посмеиваясь, я с головой нырнула под стол, судорожно сгребая руны. – Простите меня. Сами знаете, как я психую, когда нервничаю, да к тому же эта простуда... Небесная карма, не иначе. Давайте поговорим по-хорошему, идет?

Я выковырнула ногтем последний кубик, закатившийся в выемку между стеной и поцарапанным стулом, и вернулась на место. Осторожно оглянувшись на посетителей кафе, я немного расслабилась: все были заняты изучением здешнего меню. Чувство тотального одиночества немного убавилось: кажется, в этом месте собралось немало безумцев, которых пресные вафли интересовали больше, чем происходящее за окном. А происходила там нехилая чертовщина: от ветра де-

ревья пригибались к самой земле, на фоне этого обычное штормовое предупреждение, переданное по радио, звучало наивно. Небо заволакивала темная туча, будто кто-то уронил на небосвод чернильную кляксу. Она уже расползлась вширь так, что, прильнув горячим лбом к стеклу, я так и не смогла разглядеть ее края. Бесформенный черный хаос, проглотивший солнце и пытающийся разродиться дождем, – туча пульсировала, чего-то выжидая. Даря людям надежду успеть добраться до дома. И я поделила бы с ними это стремление, если бы только у меня тоже был дом.

Вместо этого я втянула голову в шарф и, уткнувшись в него заложенным носом, стала перебирать пальцами жемчужные бусы, успокаиваясь.

Я никогда не верила в сказки, как бы парадоксально это ни звучало из уст ведьмы, в чьем рюкзаке губная помада уживалась с гадальными картами, а проездной на метро прилип к свече с сердцевинкой из мыши. Жуткие, правдоподобные и темные, сказки братьев Гримм больше всего напоминали истинную магию, из которой испокон веков сплеталось наше существование. Волшебство в этой книге соседствовало с вкраплениями крови на страницах – волшебство граничило с тем же и в ковене. Именно поэтому у каждого из нас находилась любимая сказка братьев Гримм. Но если моя семья предпочитала «Гензель и Гретель» или «Милого Роланда», то Джулиан всегда выбирал сказку о двенадцати братьях – несчастных принцах, приговоренных к смерти после рожде-

ния их долгожданной сестры. *«И велел король выстругать двенадцать гробов для каждого из своих сыновей, коль понесет ему королева желанную дочь, которая унаследует все его королевство...»*

Я никогда не верила в сказки. Так почему же вдруг оказалась в одной из них?

– Еще раз, – вздохнула я и, прикрыв глаза, встряхнула пригоршню костей. – Ну же!

«Ты всегда должна быть там, где велят быть руны. Они молвят голосом духов, а духи всегда видят больше. Ведь полная картина открывается только тем, кто смотрит на нее сверху».

Руны посыпались в небрежном броске, задевая пустые тарелки, а затем сошлись в старой треклятой вязи. Наутиз, Иса, Вуньо...

«Новый Орлеан».

– Да я уже два месяца здесь торчу, черт возьми! Значит, моя судьба – умереть, смотря на французский квартал?! – воскликнула я, откидываясь назад так, что ударилась затылком о спинку дивана. – Вы правда не понимаете, глупые костяшки?! Он уже близко! Джулиан придет за мной. Мне нужно знать, куда бежать дальше. Где будет безопасно? Что, неужели нигде?.. Вы принципиально меня не слушаете? Да, я не Рэйчел, которая могла договориться даже с табуреткой, но... Умоляю!

Я стиснула пальцы и стукнула кулаком по столу. Встряска

подбросила кубики на несколько сантиметров, но, даже закрутившись в воздухе, они все равно приземлились так же.

– Новый Орлеан, – со вздохом прочитала я в сотый раз.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Всегда слушайся рун. Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри!»

Благо нарушать клятвы – моя коронная фишка.

– Прости, Рэйчел, но семейные традиции и ожидание чуда не спасут меня от смерти, – прошептала я и, стряхнув руны в мешочек, кинула его в сумку поверх носовых платков и дорожных карт. – Теперь моя судьба – исключительно моя личная прерогатива. И, пожалуй, я давно мечтала побывать в...

– Наличные или кредитка?

Я передернулась, поднимая взгляд на мужчину в фартуке и с проседью в волосах, который стоял прямо передо мной. Он смерил подозрительным взглядом сначала меня, а затем мои сумки, сложенные под стулом. Заметив, что женщина и шестеро ее чад пересели от меня в другой конец зала, я поняла, что мой диалог с неодушевленными предметами мог быть воспринят неоднозначно.

– Я не сумасшедшая, – тут же попыталась оправдаться я. – Просто трудный день выдался.

Официант нахмурился и развел руками, кивая в сторону окна.

– Дело не в этом. Мы закрываем кассу. Через пятнадцать

минут мы должны бы закрыть кафе, но из-за шторма мы открыты до тех пор, пока на улице не станет безопасно. Посетители могут переждать здесь, только счет нужно оплатить сейчас.

Я замешкалась и демонстративно похлопала по карманам, подавляя панику, которую уже давно разучилась испытывать. В этот раз ситуацию усугубляло вовсе не мое безденежье, а стоящий снаружи гул от раскатов грома. Ветви деревьев безжалостно хлестали по крыше.

– На улице прямо шекспировская «Буря», – нервно хихикнула я, пытаясь разрядить обстановку. – «Ад пуст, все дьяволы сюда слетелись». Похоже ведь, правда?

– Да, – сухо кивнул официант и, сложив руки на груди, нетерпеливо кашлянул. – Знаете, моя коллега Маргарет заметила, что вы сидите в нашем кафе уже восемь часов. У вас точно есть деньги?

– Есть. Просто... Я подхватила какую-то заразу. Сопли затопили мозг, и я плохо соображаю, – сказала я полуправду. – У меня есть деньги. Уж на такое-то! Я съела всего ничего...

– Три порции жареного картофеля, отбивные, салат с каперсами, салат с уткой, томатный суп и ромовый брауни с вафлями. Ах да, еще молочный коктейль из шоколадного печенья, – отчеканил мужчина, и его рот скривился в дежурной улыбке. – Отличный выбор, кстати. Так наличные или кредитка? Что выбираете? Может, полицию?

– Кредитку! – выпалила я, лишь услышав последнее сло-

во, и быстро достала из рюкзака чью-то старую банковскую карту, давно заблокированную владельцем.

Официант облегченно выдохнул.

– Славно. Принесу терминал.

По коже побежали мурашки.

«Ад действительно пуст, сестренка. Я не оставил ни одного беса скучать в том унылом месте. Ты-то должна это знать, мы ведь оба оттуда родом».

Грудную клетку сдавило. Я схватилась за шарф, оттягивая его, будто дышать мне мешал он, а не голос брата в голове, который мне не доводилось слышать уже много лет. Я тревожно оглянулась, но, кроме многодетной семьи и еще нескольких зевак, в кафе уже никого не было. После пережитого Орлеаном урагана «Катрина» большинство жителей бежали домой при любом признаке непогоды. Мало кому могла понравиться мысль встретить потенциальную смерть в низкопробной забегаловке. Мне она не нравилась в том числе.

Пока официант отсоединял терминал, я бросила отчаянный взгляд на бурю за окном.

Выбор без выбора. Вот что это было.

– Кристиан, мы горим! Пожар!

Раньше это требовало больше времени и сосредоточия, но теперь – элементарный щелчок пальцами. Впрочем, раньше во мне и ярости было меньше. Теперь же она пылала, как самый высокий костер инквизиции, – точь-в-точь такой всколыхнул кухню кафе, когда я ударила ладонью по грязной по-

верхности стола и шепнула:

– *Fehu.*

Официант ахнул и, выронив терминал, бросился на помощь повару, на бегу хватая кувшин с ледяным лимонадом. Я же подняла рюкзак, закинула за спину футляр со скрипкой и незаметно покинула кафе, выбежав навстречу шторму.

«И великие обеты в огне страстей сгорают, как солома».

У меня перехватило дыхание от потока воздуха, ударившего в лицо, и я закуталась плотнее в шарф. Холод из-за надвигающегося дождя, странный в это время года, остудил меня. Ноги подкашивались от слабости. Но я быстро преодолела несколько улиц, стараясь не приближаться к раскачивающимся столбам, чтобы мое бегство не закончилось под одним из них. Пройдя еще квартал по пустому подземному переходу, я окончательно выбилась из сил и, выплевывая мокроту, скопившуюся в легких, сползла на асфальт по каменному ограждению.

Деньги. Мне нужны деньги. А затем транспорт и новый город, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Звучит легко, вот только сейчас я была не только слаба, чувствуя себя совершенно больной, но и одинока в худшем смысле этого слова. Одиночество для вора – приговор: десятки безлюдных скверов, а значит, и отсутствие тех, кого можно обокрасть.

– Штрудель. Штрудель. Сосредоточься... Дело. Сначала дело. Штрудель потом. Я люблю гром. Я люблю гром... Нет,

я ненавижу гром! Пожалуйста, тише!

Прошло почти полчаса, пока я пряталась за ограждением и вслушивалась в ругань ветра, когда мимо проскочил живой человек. Я приподнялась и, выглянув из-за уродливой горгульи, рассмотрела высокий силуэт – мужчина в бежевой куртке пересекал парк размашистыми шагами. В какой-то момент незнакомец остановился: тучи вновь взорвались, и он буквально осел, съежившись в комок и обхватив голову руками. Он заткнул уши и не двигался, пока все вокруг не смолкло, а затем выпрямился и, достав из кармана нечто круглое и бронзовое, похожее на компас или часы, невозмутимо продолжил свой путь.

Стараясь не кашлять, я двинулась следом.

– Голова раскалывается, – ворчал он, но я смогла разобрать лишь небольшую часть из его ворчания, держась на безопасной дистанции. – Пятая авеню, третий дом. Пятая авеню, третий дом...

То оказался юноша. Он шел и крутил в руках свой талисман. Видимо, это действовало на него успокаивающе, потому что при следующем раскате грома он только вздрогнул, но, справившись с дрожью, ускорил шаг. Дойдя до сквера, тянущегося вдоль берега реки, юноша остановился у скелета металлической конструкции, в обычное время представляющей палатку, где торговали каким-нибудь псевдомагическим барахлом из коллекции псевдожрицы вуду.

Новый Орлеан никогда не спал, но сегодняшний вечер

стал исключением. Передо мной стоял единственный человек как минимум в целом районе, кто не бежал от бури. Он выглядел воодушевленно, постоянно оглядывался по сторонам и поправлял волосы, которые трепал ветер. Темные непослушные кудри – единственное, что я могла разглядеть с такого расстояния. Ищущий что-то и, возможно, сумасшедший, судя по тому полубреду, что доносил до меня ветер... Единственная потенциальная жертва, от кошелька которой зависела моя жизнь.

Дурить таких – проще, чем отобрать конфету у ребенка.
– Мы же договорились, что перенесем встречу на завтра! Не слышал, что передают по всем каналам? Тебе жизнь не мила?!

Я прильнула к стене, ограждающей мостовую, с любопытством наблюдая за темнокожим мужчиной, который вышел из тени церковного собора, опираясь на дубовую трость. Его шею охватывал гладкий стальной обруч, с которого свисали маленькие черепа грызунов. Я никогда не сталкивалась с представителями вуду, но внутреннее чутье подсказало, что, пожалуй, впервые за время своих скитаний я повстречала кого-то, с кем у меня бы нашлись общие темы для беседы. Это же чутье подсказало, что отполированный человеческий череп на рукояти его элегантной трости отнюдь не искусственный.

– Хорошо, я вышел проверить, не настолько ли ты кретин, что все равно припрешься, – рывкнул ведьмак, и юноша от-

ветил что-то, чего я не расслышала, но это заставило ведьмака рассмеяться: — Так у тебя нет постановления? Никакого перевода в Новый Орлеан из Бёрлингтона? Проклятый лгун! Здесь ты просто турист. В Луизиане у тебя нет прав, так что не смей их качать. За этим рекомендую вернуться в Вермонт...

— Мне правда очень нужно знать, — взмолился юноша, беспокойно почесываясь и крепко сжимая в кулаке округлый предмет. — Это важно!

— Это то, что важно тебе. Нам — нет.

— Ритуалы, происходящие несанкционированно у вас перед носом, не могут быть чем-то неважным!

— С чего ты взял, что речь идет о ритуалах?

— Не притворяйтесь. Вы ведь видели вырезанные на них знаки. Эти увечья... Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы отличить зверскую бесчеловечность от сатанизма. Вдруг это не подражательство, а эпидемия, которая скоро распространится дальше, на соседние города? Неужели вам не жалко детей?

Молния разрезала черные тучи, из-за которых город погрузился в ночь раньше назначенного часа. Юноша вздрогнул и, прижав бронзовую вещь к груди, глубоко вдохнул разреженный воздух. Темнокожий колдун угрюмо раздумывал, постукивая тростью о землю.

— Боюсь, мне нечего тебе рассказать. Мы пребываем в таком же неведении. Лучше обратиться к ведьмам Бёрлингтона.

– В нашем городе их нет.

– Одна да найдется. Ищи тщательнее. В крайнем случае попроси помощи у ковена Шамплейн. В конце концов, территория по периметру озера – их угодья. Им и разбираться с проблемами, которые на ней возникают.

– Шамп... Погодите, что? Озеро не относится ни к одному ковену, иначе я бы знал.

– Ах да... Сколько тебе было, когда этот ковен почти исчез? Лет восемнадцать? Вступительные экзамены, выпускной, подростковые угри... Совсем сопляк.

– Если он исчез, то как я попрошу у него помощи?

– Ты невнимателен, мой друг. Я сказал «почти» перед «исчез». Иногда одно крошечное слово меняет все.

Гром оглушил меня, как и услышанное. Я была готова поклясться, что темнокожий колдун в ожерелье повернулся и посмотрел прямо на меня. Я тут же юркнула назад за ограждение. От предчувствия разоблачения защемило под ложечкой, я влипла – так мухоловка ловит насекомое. Затем растение переваривает его и глотает, но колдун не спешил выдавать меня своему собеседнику. Возможно, мне просто померещилось. Или...

– Ковен Шамплейн, – повторил юноша задумчиво, смакуя название на языке. – Запомню. Что-то еще? Хоть что-нибудь?

Ведьмак хмыкнул и, немного помедлив, наклонился к нему. Я не расслышала, о чем он говорил, и даже не пыта-

лась: каждый раз, стоило кому-то упомянуть мой дом, как я будто получала обухом по голове. В такие моменты все остальное уходило на задний план. Мысли спутались, как клубок ниток после кошачьих когтей.

«Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался».

Голос брата в голове – отрезвляющее напоминание, что необходимо взять себя в руки. Эти слова из любимой пьесы – его издевательство надо мной, приводящее в чувство. Шмыгая носом, я попыталась вспомнить хоть один из своих волшебных трюков, на которые бы мне хватило сил в таком состоянии. В отчаянье взглянув на мостовую, я вдруг увидела, что юноша и колдун прощаются.

Впрочем, разок сыграть по старинке иногда тоже приятно. – Извините, господа, я переехала сюда всего пару недель назад из Лондона. До сих пор такая путаница с этими указателями... Плутаю здесь уже полчаса. Не подскажете, где поблизости можно поймать такси?

Сбивчивая болтовня с фальшивым британским акцентом лилась из меня, заменяя ливень, который никак не хотел начинаться. Я заторопилась к мужчинам и, не дожидаясь, пока кто-нибудь из них осознает смысл моей тирады, позволила ноге запнуться за выступ брусчатки (надо сказать, без особых проблем, потому что ноги меня и так не держали). Оттолкнув колдуна футляром со скрипкой и ухватившись за локоть юноши, я выдернула его руку из кармана куртки, в

который он поспешил спрятать свой бронзовый талисман.

– Ох, простите ради бога! Мне что-то нездоровится в последнее время... – затараторила я и, вновь покачнувшись, уцепилась за ворот его рубашки. Другая рука скользнула вниз по его твердой груди ко внутренним швам куртки.

Растерянно заморгав, юноша лишь на секунду придержал меня, а затем отшатнулся, будто притронувшись к чему-то мерзкому. Такая реакция оскорбила бы меня, если бы не грандиозный успех: пальцы нашли, что искали. Обчистить с помощью особой ловкости рук за полторы минуты – тоже своеобразная магия.

– Вам следует обойти собор. Впереди будет перекресток, а там и остановка такси, – сказал колдун, давая оцепеневшему юноше время оправиться после нежелательного контакта. – Поторопитесь, буря явно дает вам шанс.

Он улыбнулся, и я едва нашла силы, чтобы не упасть в обморок, а улыбнуться в ответ. Я виновато кивнула и поспешила прочь, сорвавшись на бег спустя пару метров.

Ветер усиливался, раскачивая припаркованные у тротуаров автомобили. В глаза мне бросилась двухэтажная постройка из красного кирпича – заброшенная комиссия. Картонная вывеска трепыхалась, бросая тени на заколоченные окна. В центральных кварталах Орлеана недвижимость пустовала редко, и, сочтя это завидным везением, я юркнула под дырявый навес. Спустя минуту я ввалилась внутрь магазина, несколько раз ударив по замку отнюдь не волшебным

булыжником и снеся дверную ручку.

В магазине было темно и сыро. Свет с улицы, задушенный тучами, почти не помогал. Однако я все же различила шкафы, забитые барахлом, которое покрывал толстый слой пыли. Запотевшие склянки, надколотая посуда, старые игрушки – мусор пестрил разнообразием. Выбрав несколько одеял, пахнувших смогом, я свалила их в кучу на полу и устало рухнула на них, включив прежде ночник, работающий на батарейках.

Заброшенная комиссионка, заросшая грязью, – совсем не то место, где я мечтала провести эту ночь. Но ослепительная вспышка, пробившись внутрь, убедила меня остаться. В небе будто протрубил божественный горн: оно наконец-то разверзлось, и дождь в мгновение ока затопил улицы и забарабанил по крыше. Я торжествовала: чем раньше пройдет пик шторма, тем скорее все уляжется. Спрятав замерзшие ладони под шарф, я довольно заурчала и повеселела, ощущая в кармане тяжесть: под моими пальцами теплела кожа толстого портмоне, внутри которого меня ожидал большой сюрприз.

– Две тысячи долларов наличными! – воскликнула я, опешив. – Да этот парень точно псих!

От восторга я зашлась кашлем, но замерла, почувствовав в собственном кармане что-то еще, похоже, прихваченное нечаянно. Рядом с портмоне я выложила на одеяло тот самый бронзовый талисман, который оказался отнюдь не часа-

ми или компасом. Я открыла простое расписанное минималистичными ромбами карманное зеркальце. В нем мое бледное изможденное лицо казалось еще ужаснее. Помада точно бы не помешала...

Детский ночник замигал и внезапно погас, погрузив меня во мрак на секунду, показавшуюся томительной вечностью. Декоративные свечи на полках вспыхнули вместо фонаря – и все вокруг всколыхнулось, включая загоревшийся камин в конце зала, из которого хлынули гарь и сажа, но никак не тепло и уют.

– Ты знала, что Новый Орлеан называют Парижем Нового Света?

Я подскочила.

Мой визг утонул в раскате грома. Ужас сковал меня, как и руки брата, которые протянулись из темноты. Он прижался ко мне сзади, и я вдруг поняла, что мой визг получился беззвучным: тиски ужаса сдавили горло. Испуганно онемев, забыв, как драться, двигаться, бежать, я застыла и почувствовала, как Джулиан ласково целует меня в щеку.

– Выглядишь великолепно, – шепнул он, накрутив на палец локон моих волос, которых хватило лишь на пару оборотов вокруг фаланги. – Состригла косу. Покрасилась... Тебе идет быть блондинкой.

Его плащ зашелестел. Мы стояли между шкафами на скомканных покрывалах, пока за окном, судя по звукам, взрывался мир. Джулиан медленно развернул меня к себе,

и я едва сдержалась, чтобы не зажмуриться. Пламя свечей плясало на лице, похожем на вырезанную из гипса маску.

– Теперь мы ничуть не похожи, – выдохнул он огорченно, и вокруг серых глаз, отливающих сталью, образовались морщинки. – Жаль.

– Мы перестали быть похожи в тот момент, как ты убил всю нашу семью.

– Одри, не начинай... – простонал он.

– Ты ничуть не изменился. Хотя, нет... Постарел, – вырвалось у меня язвительно. – Выглядишь на тридцатник.

– Чем больше в тебе магии, тем сильнее она давит изнутри. Выглядеть старше – не такое уж тяжелое бремя в обмен на могущество.

– Ты сейчас себя назвал могущественным? Все, чего в тебе стало больше за эти годы, так это сомнения.

Джулиан ухмыльнулся, и ноги у меня сделались ватными. Брат удержал меня и обнял крепче, заставляя прижаться вплотную. Отвратительно.

Я вздохнула, с болью в груди узнавая родной запах шалфея и лавандовых полей.

– Принцесса никогда не была виновата.

– Что? – нахмурился Джулиан.

– Сказка о двенадцати братьях, – прошептала я. – Твоя любимая. Только после... *всего* я поняла, почему она так тебе нравилась. Но принцесса никогда не была виновата, что король грезил о ее появлении на свет. Принцесса не была ви-

новата в участи братъев и уж тем более в том, что родилась. Все, что случилось дальше, – исключительно вина короля.

– Верно, – внимательно выслушав меня, согласился Джулиан и большим пальцем провел по моей щеке, покрасневшей от предательских слез, которые магическим образом высохли сразу же, как брат их заметил. – Я никогда не винил принцессу.

– Разве?

– Никогда, – повторил Джулиан сдержанно.

– Тогда просто сверни мне шею, – попросила я. – Хоть раз прояви милосердие. Надеюсь, ты знаешь, что это такое. Мою магию тебе все равно не забрать.

– Что? – Джулиан скривился. – Погоди... Ты думаешь, я хочу тебя убить? – Я подняла голову, едва вынося его дыхание на своих губах, только чтобы посмотреть на него, а затем услышала: – Я не собираюсь причинять тебе вред. Глупая маленькая Верховная... Я пришел за тобой, чтобы *любить*.

Все внутри вспыхнуло и взбунтовалось, когда Джулиан поцеловал меня. Влажные холодные губы, сминающие мои – горячие и сухие, обветрившиеся на ветру. Меня скрутило в рвотном позыве, и перед глазами все поплыло.

– Да у тебя жар! – восторженно вскрикнул он и отстранился, чтобы придирчиво осмотреть меня с головы до ног, пока я безуспешно пыталась избавиться от съеденного недавно брауни. – Захворала после того, как на спор искупалась в Миссисипи? Да, я следил за тобой. Если я не показываюсь – это не

значит, что я не смотрю. Время игр в прятки давно прошло. Больше не убегай, ладно, сестренка?

Меня будто обожгло льдом, когда его ладонь скользнула мне под свитер и прильнула к голому животу, облегчая лихорадку, но превращая все остальное в кошмар. Я зажмурилась, пытаюсь терпеть. Шершавые пальцы медленно погладили шрам, который оставили кусты роз, где мы играли в детстве. Он ощупал каждую отметину, которая связывала меня с прошлой жизнью, и дотронулся даже до рубца четырехлетней давности на предплечье – память о той жертве, что оказалась слишком велика для меня даже во имя спасения.

– Ты мне не брат, Джулиан.

Его руки легли на мою грудь поверх бюстгальтера и задержались там.

– Зря ты так говоришь. Когда я стану великим, ты еще пожалеешь о своих словах...

– Великим? – фыркнула я. – Тебе никогда не стать Верховным, не то что великим! Хватит жить иллюзиями. Это невозможно!

– Каков восьмой дар? – спросил Джулиан задумчиво, обрушившись на меня всем своим весом и впечатав спиной в захламленные полки. – *Сотворение*. То есть написание заклинаний. Когда освоишь его, сможешь делать все, что захочешь. Ты сможешь придумать новый порядок для наследования верховенства...

– Как я освою подобное?! Даже если бы и захотела, у меня

нет никого, кто бы обучал меня! А благодаря тебе больше нет и гримуара, забыл? Многовековое наследие ковена стерто с лица земли по твоей милости!

— Для этого у тебя есть я, — улыбнулся Джулиан, приподнимая мой подбородок. — Я не тратил эти годы зря, в отличие от тебя. Я сам помогу тебе стать той, кто ты есть. Мы пройдем этот путь рука об руку, как нам и суждено.

— И не мечтай! Бесполезно. Заклинание для передачи верховенства создать нельзя, даже освоив все дары в совершенстве. Оно противоестественно и не сможет существовать в круговороте природы, — рыкнула я, уперевшись руками ему в грудь, будто опасаясь, что исчезни еще один сантиметр между нами — и мы сольемся воедино, в одно уродливое порочное существо.

— Сможет. Я работаю над этим, — мягко отозвался Джулиан, разминая замерзшие руки, которые достал из-под моего свитера, потом вынул из кармана перчатки и надел их. — А твоя задача — работать над собой. Всему свое время, маленькая Верховная.

Джулиан взмахнул рукавом плаща. Где-то поблизости закрихтел старый граммофон, и по магазину потекла сладкая мелодия в духе классического новоорлеанского джаза.

— «Торжественная музыка врачует рассудок, отуманенный безумьем. Он кипящий мозг твой исцелит... Встань здесь и знай, что ты во власти чар моих».

Брат улыбнулся и обнял меня, увлекая в танце, при этом,

парализованная, я тянула его вниз, как якорь, но медленно я все-таки возвращала себе контроль над телом.

– «Надежды нет, – продолжила я тихо. – И в этом вся надежда».

Гром. Вспышка, заставившая серые глаза блеснуть серебром двух драгоценных монет. В этот миг я резко подалась назад и толкнула шкаф.

Коробки с вещами посыпались, лавиной обрушившись на нас обоих. Закрываясь от осколков статуэток, разбивающихся об пол, я вырвалась из хватки Джулиана. Он выругался, и мне на свитер потек воск свечей, которыми были уставлены полки. Огонь в камине рванул вперед, и в этот момент я не разобрала, чья злость вызвала такой бурный всплеск – моя или его. Прыгая по вспыхнувшему ковру, я схватила сумки и выкатилась из магазина.

Весь день буря назревала, как абсцесс, а теперь трещала, извергая все, что было накоплено. Моя одежда вмиг отяжелела, пропитавшись водой. Поскользнувшись и упав, я перекатилась на живот и быстро встала, подбирая вещи.

Джулиан неспешно вышел из-под навеса и остановился посреди лестницы, снисходительно глядя на меня с высоты своего мнимого пьедестала. За его спиной из-за заколоченных окон летели искры.

– Поранилась? – сочувственно спросил он, кивая на мой окровавленный висок, и я зашипела от ярости, которой хватило бы на огненный смерч.

– Ты убил Рэйчел! – я перекричала даже гром. – Дебора. Ноа. Маркус. Чейз. Хлоя. Эмма. Ты убил всех наших братьев и сестер! Весь ковен, ублюдок!

Морщась, Джулиан слушал меня. Буравя его взглядом, я тщетно надеялась уловить в этих серых глазах хоть что-то помимо бархатной красоты, напоминающей дождевое небо в прохладный летний день. Темные, глубокие, спокойные. Абсолютное безразличие.

– *Laguz!*

Я вскинула руку, и Джулиан поперхнулся, захлебываясь дождем. Угодив в рот, вода стянула изнутри его горло, а колени приклеила к ступеням.

– Три дара из восьми, но и те оставляют желать лучшего, – прохрипел он, бросив мимолетный взгляд на мои жемчужные бусы, выскочившие из-под шарфа. – Слабовато для Верховной. Если бы только ты тратила больше времени на практику и меньше – на кутеж и развлечения... Ну же, не расстраивай меня, Одри! Попробуй еще разок.

Магия. Она забирала все силы, и так истончившиеся от усталости и простуды. Колдовать в таком состоянии было равносильно попыткам катить огромный валун вверх по крутому склону. Я сдалась и, едва удержав равновесие, отпрянула назад от Джулиана, который, став свободным, отхаркивал воду.

Не дожидаясь, пока он придет в себя, я развернулась и побежала. Стараясь не оглядываться, я промчалась по улице

и, рассекая лужи, перебежала через дорогу.

Порыв чужой магии – тягучей, бездонной и извращенной – вдруг выкорчевал иву и швырнул ее на дорогу, едва не раздавив меня. Ломая скрюченные ветви, под деревом чудом успел проскочить темно-синий джип. Визг колес смешался со звуками бури: машину занесло и, выжав тормоз на повороте, водитель все-таки справился с управлением. Я оцепенела, не веря в собственную удачу.

– Пожалуйста! – закричала я, тарабаня руками по капоту и стремительно огибая джип. – Подвезите меня! Мне нужна пом...

Дверца открылась, и я налетела на того юношу в бежевой куртке. Его выющиеся взъерошенные волосы запомнились мне так же сильно, как въедается в ткань отбеливатель. Темные глаза, оказавшиеся на самом деле карими, почти ореховыми, гневно сощурились, а спустя секунду я оказалась прижата к земле, лежа в грязи с рюкзаком и скрипкой.

– Ты что, спятил?!

– Зеркало, – прорычал он, бесцеремонно заламывая мне руки. – Где. Мое. Зеркало?!

Я подавилась кашлем, мокрая, дрожащая и растерянная. Повернув голову и проведя по асфальту щекой, я краем глаза увидела тонкое лицо и вскрикнула, когда юноша с силой нажал на мои выкрученные запястья.

– Твою мать, ты мне сейчас руки сломаешь! Отпусти!

– Верни зеркало!

Не украденный портмоне и не деньги, нет. Его интересовало гребаное зеркальце?!

– В левом кармане. Забирай и отвали от меня, придурок!

Юноша вздрогнул и, замешкавшись, сунул руку в мою ветровку, прожженную искрами пожара. Достав вожащенное зеркало, он быстро спрятал его за пазуху, но меня не отпустил.

– Ты арестована.

– Что?

Он рывком поставил меня на ноги и движением плеча распахнул куртку. Прицепленный к нагрудному карману, под ней выразительно сверкнул полицейский значок.

– Детектив Коул Гастингс, полиция Бёрлингтона, штат Вермонт, – прочитала я, судорожно сглотнув, и робко заметила: – Но мы-то находимся в Новом Орлеане, детектив. Ваши действия неправомерны.

– Верно подмечено, – хмыкнул он, открывая передо мной заднюю дверцу джипа. – Именно поэтому я подброшу тебя в ближайший участок, а местной полиции прибавлю работенки. Пускай они тобой занимаются, воровка.

На моих запястьях что-то щелкнуло. Я раскрыла рот, заметив почему-то россыпь веснушек под тигриными глазами детектива – и меня втокнули в машину. Швырнув следом мне в ноги перепачканный рюкзак и футляр, он остановился перед капотом джипа и, не обращая внимания на ливень, рассматривал свое драгоценное зеркало, проверяя

его целостность. Хмурое лицо детектива разгладилось, когда он не обнаружил никаких повреждений; но, не торопясь возвращаться в машину, Гастингс смотрел куда-то. Очевидно, в сторону комиссионного магазина, откуда я бросилась ему под колеса. Повернувшись к нему спиной, детектив выставил перед собой зеркало. «Самое время полюбоваться на свою мордашку», – подумала я сердито, но спустя секунду он сел за руль, снова став таким же напряженным и настороженным, каким был до этого. Не говоря ни слова, детектив Гастингс поехал прочь от места нашей встречи и поваленного дерева.

Вместе с потерянным шансом, подаренным мне бурей, позади остался комиссионный магазин, утопая под ливнем.

II. Яблочный пирог

– Почему сейчас? – спросила я, играя с сакральным жемчугом из потайной шкатулки, баллады о котором жили в нашем ковене долгими поколениями.

Виктория улыбнулась, задвигая обратно свой столик с порошками, эфирными маслами и смолами драконового дерева.

– Просто так. Любая женщина, а уж тем более ведьма, грезит о дорогих побрякушках. В твоих же руках – настоящая родовая реликвия с многовековой историей. Наследная регалия нашего ковена. Тебе нравится?

Мое нерешительное мычание заставило маму вопросительно выгнуть бровь.

– Нравится, но... – я смутилась, пытаюсь совладать с магнетизмом перламутра и с трудом оторвав от жемчуга взгляд.

– Но что?

– Я больше люблю стекло.

– Стекло? – удивилась Виктория.

– Да... Ну, такие стеклянные бусины, знаешь? Как те, что для меня сделал Джулиан.

Виктория ухмыльнулась.

– Честь подержать в руках Вестников даров выпадает лишь верховным ведьмам, Одри... Привыкай к этому. Они теперь твои.

Неожиданно одна из жемчужин – круглая, до совершенства ровная и сверкающая – выкатилась из-под моих пальцев и соскользнула вниз, устремившись к полу под естественной тяжестью, но зависла в полуметре от половиц, проигнорировав все известные законы гравитации. Воздух сделался вязким, тугим, мешая вдохнуть; он толкнул жемчужину прямым в руку матери. Она ласково подула на нее, очищая от пыли.

– Мои? – переспросила я растерянно.

– Да... Если ты согласна принять мое наследие, конечно, – подвела черту Виктория, забирая из моих рук оставшиеся драгоценности.

– Ты это сейчас серьезно?

Я почувствовала липкую испарину, возникшую в тех местах, где до кожи дотрагивались прохладные жемчужины. Мама подошла ближе: ее кардиган пропитался ароматом душицы и растений, к силе которых она с рождения тяготела. Стихии природы были первым освоенным ею даром, потому и одежду она предпочитала землистых и пастельных оттенков: песочные брюки, темно-зеленый свитер с украшениями из натуральных камней. Я обвела ее взглядом, поражаясь красоте шторма в темно-серых глазах, цвет которых издавна выдавал всех урожденных Дефо. Волнистые волосы, будто сплетенные из ржаных колосков, были забраны высоко на затылке непритязательной серебряной шпилькой. Я удивилась, ведь еще вчера в волосах моей матери блистал жем-

чуг: старый гребень, от которого она, судя по всему, избавилась, был усыпан им. Виктория впервые предстала перед кем-то без своего морского украшения и пускай не утратила от этого женского шарма, но будто лишилась своей величественности. И это меня пугало.

Я опустила взгляд на закрывшуюся шкатулку, куда Виктория поместила родовые жемчужины, и глухо ахнула.

– Вестники даров, – поняла наконец я. – Ты все это время носила их в волосах... Прямо в том гребне! Шкатулка, которую ты так усердно прятала под алтарем в кабинете, все это время была пуста. Мама! Это же так...

– Нечестно и рискованно?

– Хитро и поразительно.

Виктория нежно улыбнулась, польщенная.

– Верховная никогда не расстанется с тем, что ей по-настоящему дорого, Одри, – она положила шкатулку мне в руки и наклонилась, прижавшись губами к моему лбу. – Однажды и ты сделаешь из этого жемчуга чудесное ожерелье или брошь... А может, тоже захочешь обзавестись жемчужным гребнем. Разумеется, когда вернешь Вестникам их истинный вид.

Виктория со скрипом приоткрыла шкатулку. На дне, покрытом красным бархатом, зазвенело нечто темное и уже не такое красивое: там перекатывались круглые угольки, в которых было довольно сложно заподозрить тот самый жемчуг. От былого великолепия, чистого и слепящего, не осталось и

следа. Жемчужины почернели.

– Всего их восемь. Одна жемчужина – один дар. Каждый из них тебе предстоит освоить. Надеюсь, ты помнишь: стихии, метаморфоз, психокинез, ментальность, прорицание, некромантия, исцеление, сотворение, – перечислила мама, и я закивала, внимательно слушая ее. – Черная жемчужина – невежество, белая – достигнутое мастерство. Они – материнское наставление, напоминающее о предназначенном тебе пути.

Виктория закрыла шкатулку, лежащую на моей заледевшей ладони, и отстранилась, повернувшись к шкафу так невозмутимо, будто совсем не замечала, какой волной удушьящего ужаса меня захлестнуло.

– Мне двенадцать, – хрипло напомнила я. – До начала подготовки ведь еще три года... Слишком рано.

– Твоя практика начнется с завтрашнего дня.

Кабинет матери был огромный, – с вытянутыми витражными окнами, книжными шкафами и гигантским алтарным столом между колоннами, укрытым пунцовым шелком, – но дышать здесь вдруг стало нечем.

– Мама, я не...

– Происходит кое-что очень плохое, Одри, – оборвала меня Виктория, храня ледяное спокойствие, и я увидела, как побелели костяшки ее пальцев, когда она сжала дверцу шкафа, едва заметно пошатнувшись. – Боюсь, очень скоро ты станешь самой молодой Верховной ведьмой в истории кове-

на, потому что я умираю.

* * *

– С первым днем осени! Увы, жителям Нового Орлеана придется отменить праздничное барбекю, до конца выходных не рекомендуется покидать свой дом без экстренной необходимости. Синоптики обещают ослабление ветра с 28 м/с до 23, но дождь не прекратится до понедельника. Будьте бдительны за рулем!

Я разодрала слипшиеся веки и, усевшись, уставилась на абсолютно голую стену с проплешинами извести. Потолочное окно было перегорожено чугунными прутьями, а вместо двери стояла решетка. Я бросилась к ней, услышав звук включенного приемника, и чуть не упала, запутавшись в одеяле. Страхнув с себя непонятное шерстяное покрывало, я прислушалась к голосу радио и свисту закипевшего чайника, а затем заглянула под койку в поисках своего рюкзака и футляра со скрипкой, пытаюсь вспомнить, как именно здесь очутилась. И, главное, где?

Мучительная ломота в теле, простудный жар и вид натертых запястий быстро пригвоздили меня к постели.

Память начала стремительно возвращаться.

– *На тебя напали?*

Я прислонилась лбом к спинке сиденья и взглянула на насквозь промокшего юношу за рулем, чей значок детектива

перекочевал на почетное место у рычага передач.

Молчала я не столько из-за враждебности и обиды, сколько из-за того, что просто не находила сил ответить. Детектив Гастингс, чье имя в моем мозгу переплелось с лихорадочным бредом и матерными словами, повернулся вполоборота, неторопливо ведя машину вдоль затопленной дождем трассы.

– У тебя кровь идет.

Нахмурившись, я приложила пальцы к ноющему виску, не размыкая запястий, скованных наручниками. Подушечки пальцев слиплись, и, поднеся их к глазам, я увидела кровь, которую было так легко спутать с дождевой водой, текущей по лицу.

– Упала, – соврала я, и Коул хмыкнул, выказывая свой скептицизм. – Бордюр скользкий.

– А тот парень, от которого ты бежала, просто помогал тебе подняться, да?

Я дернулась. Слышать из чьих-то уст замечание о моем брате, после встречи с которым люди обычно либо просыпались мертвыми, либо, натолкнувшись на защитные чары, остаток дня не могли вспомнить даже алфавит, было чертовски жутко. Сохранить самообладание оказалось так же тяжело, как и не умереть сегодня.

– Сколько тебе лет? – продолжил расспрашивать Коул.

– Я совершеннолетняя, так что под уголовный кодекс подхожу, не переживай. Уверена, в участке мне обеспечат горя-

чий прием.

– Уже доводилось там бывать?

– Нет. А что, я не похожа на законопослушную гражданку?

Коул свел на переносице брови и отвлекся от дороги, уставившись на меня так, будто пытался просканировать.

– Это был сарказм? – уточнил он с сомнением в голосе. – Иначе не понимаю, как ты всерьез можешь допустить вероятность, что я отвечу «нет» на твой вопрос после того, как обворовала меня посреди улицы.

– Беда-а, – протянула я, качая головой. – Ты хоть одно преступление раскрыл с такой-то догадливостью?

– Пятьдесят пять процентов дел в участке раскрыто именно мной, – пробормотал Коул, снова сосредоточившись на дороге, и я бы соврала, если бы сказала, что ему удалось прозвучать не самодовольно. – Это лучший статистический показатель среди моих коллег.

– Тогда советую не бродить одному по темным переулкам. Никто не любит выскочек.

– Воров тоже никто не любит.

Я поджала губы и, уткнувшись носом в шарф, разорвавшийся при падении, заглушила вырвавшийся кашель. В зеркале заднего вида мелькнули карие глаза: Коул часто смотрел на меня, и я вдруг подумала, что действительно вижу в отражении его глаз тигра.

– Откуда ты?

– Из Нью-Йорка, – соврала я.

– Я ведь все равно узнаю, когда в полиции затребуют твои документы.

– У меня нет документов, – хмыкнула я, не соврав: нельзя было всерьез назвать документами несколько поддельных удостоверений, которые для Рэйчел скомпоновали эмигранты на дешевом принтере.

Мои зубы застучали.

– Замерзла?

Неконтролируемая дрожь, вызванная поднимающейся температурой и мокрой одеждой, не ускользнула от Коула. Оставив без замечаний мои попытки обогреться руками, забравшись в грязной обуви на сиденья, он включил обогреватель. Струя теплого воздуха пришлась очень кстати, но не уменьшила озноб. Зато окна сделались прозрачными, оттаяв: проносящиеся мимо коттеджи заворачивали, как карусель калейдоскопа. В какой-то момент контраст зелени и черного неба смешался в одно яркое пятно, и голова у меня закружилась. Волна тепла, прошедшая через наконец отогревшееся тело, рассеяла мое сознание, словно ветер. Голова обмякла и повисла, ударяясь о дверцу.

– Воровка? Что с тобой?

Следом за вспышкой адреналина пришла истома. Я закрыла глаза и уже не увидела, что ткнулось мне в ладонь, влажное и похрюкивающее.

– Оставь ее в покое, Штрудель. Пускай поспит... Дай-ка

сюда пальто.

Машина сбавила ход, но не затормозила. На секунду горячий лоб остудила чья-то ладонь, а затем пропитанные влагой свитер и джинсы почти перестали доставлять дискомфорт – что-то тяжелое и мягкое накрыло меня, и я отключилась.

– *А вот и твое какао, куколка.*

Я дернула рукой, вынырнув из омута вчерашнего дня, и едва не вышибла из рук полицейского дымящуюся кружку.

– Эй! Тише. Ты вся промокла, к тому же тебя лихорадило пару часов, так что держи, тебе не помешает.

Я взглянула на скуластое лицо пожилого офицера. Он кивнул на одеяло, которым я была укрыта, когда очнулась. Разгладив плотную ткань, я поняла, что это было вовсе не одеяло, а длинное мужское пальто в клубках кошачьей шерсти, в которое въелся терпкий запах выпечки, чабреца и стеклоочистителя. Это пальто я раньше никогда не видела.

– Детектив притащил тебя в этом. Явно не твой размерчик, да? Еще он попросил тебя накормить, так что, если захочешь, я поделюсь с тобой сэндвичем. Только учти, он с беконом!

Я прочистила горло, собираясь с мыслями.

– Детектив сказал что-нибудь еще перед тем, как уехать?

– Да, – ответил полицейский, и я напряглась, пока он не продолжил: – Рассказал, что подобрал тебя на шоссе. Ты была совсем плоха. Видимо, упала и ударилась. В такую погоду убиться – раз плюнуть! Он позаботился бы о тебе сам, но ему

надо было возвращаться домой. В Вермонт, кажется, – полицейский задумчиво поскреб седую щетину. – Пока дождь не утихнет, ты можешь остаться здесь и отоспаться. Утром попрошу отвезти тебя, куда скажешь...

– Спасибо, – выпалила я радостно и вскочила с койки. Офицер опешил, все еще держа кружку с какао. – Но мне уже лучше. Пожалуй, я пойду. Куда вы сложили мои вещи?

Мужская сердобольность при виде «барышни в беде» действительно не знает границ! От облегчения, что детектив Гастингс смиловался и оставил историю с воровством между нами, я ощутила такой прилив сил, что смогла бы сотворить минимум десять заклятий с ходу. Правда, длилось мое воодушевление недолго.

– Один нюанс, – усмехнулся офицер, когда я уже дернула решетку двери, но вдруг обнаружила, что та заперта. – Сначала объясни, откуда это в твоей сумке?

Я медленно повернулась и увидела, как офицер вываливает на скомканное пальто Коула мои фальшивые водительские права. В горле встал ком.

– Пытались отыскать твой сотовый телефон, чтобы позвонить близким, – пояснил офицер.

– Я не пользуюсь сотовым, – выдавила я уныло. – Слишком много излучения.

«И слишком много проблем».

– Луиза О'Келли, – прочитал он на одной из пластиковых карточек, пристально сверяя фото с моей побледневшей фи-

зиономией. – Из самого университета Лиги плюща, надо же! Или ты Стефани Митчелл из Южной Дакоты? Или Кристи-на Геро? Тебе все-таки двадцать, двадцать два или двадцать три? Хотя, нет, точно не двадцать три... Ты выглядишь очень юной. Тебе точно есть восемнадцать? Или мне связаться с твоими родителями? Из какой ты школы?

– У меня нет родителей. Мне двадцать лет, – честно призналась я, закатывая глаза, но тут же соврала снова: – Меня зовут Кейт.

– Ну да, так я и поверил. Встречал я уже таких... непутевых! Сам найду, кто ты такая. Времени у нас вдоволь. В конце концов, подделка документов – это тянет побольше, чем на пятнадцать суток, согласна?

Я промолчала, терпя удары судьбы, стиснув зубы, и пропустила офицера к выходу. Он покинул камеру, оставив меня одну вместе с моим раздавленным самолюбием и насморком.

– Выпей какао, – заботливо посоветовал он напоследок, пряча ключи в нагрудный карман. – И благослови того паренька из Бёрлингтона, что спас тебя от бури, пускай даже такой ценой.

И я действительно выпила это злополучное какао, но благословлять Коула Гастингса не спешила. Вместо этого я мысленно прокляла его раза четыре, жалея, что под рукой нет булавки и куклы с прядью его злополучных кудрей. Сгорбившись на жесткой койке под длинным душистым пальто, я по-

старалась сосредоточиться на побеге.

– Смертные, – буркнула я себе под нос. – Теперь понимаю, почему моя бабушка каждый раз плевалась, вспоминая сентябрь 1787 года. Вовсе не ведьмы рождаются с дьяволом, а современная Конституция. Тьфу!

Я заглянула в замочную скважину, взвешивая свои силы, восстановившиеся после сна.

«Три дара из восьми – слишком скудно для Верховной. Не расстраивай меня, Одри».

Да что там, я расстраивала даже саму себя! Моя практика не была закончена и наполовину, и сейчас мне катастрофически не хватало знаний. Вот до чего довела моя безответственность – не могу вспомнить заклятие, чтобы вскрыть решетку! Сгнить в тюрьме – истинный позор для Верховной. Смирно дожидаться, пока в этой тюрьме меня обнаружит одержимый брат, – позор еще больший.

– А вот и твой сэндвич, малышка. Кстати, наш стажер нарыл кое-какое досье... Ты, случайно, не Натали Прайс? Нет?

Я несколько раз глубоко вдохнула, медленно выдохнула и улыбнулась.

– Хотите узнать свое будущее?

– Чего?

– Могу погадать вам. Я прорицательница.

– Ага, – прыснул со смеху офицер, остановившись на пороге. – Скорее проницательная мошенница.

– Разве вы не видели все те загадочные штуковины, когда

рылись в моем рюкзаке? – надавила я и с облегчением увидела вихрь противоречивых эмоций в его взгляде. – Там есть и Таро, и руны, и оракул Ленорман.

Офицер прислонился плечом к стене, держа тарелку. Повисшая тишина выдала его с головой – заинтересованный, он не спешил уходить.

– Вы ведь верите в колдовство, – продолжила наступать я, обводя взглядом серебряный кулон, выглядывающий из-под воротника его голубой рубашки. – Это скандинавский «Шлем ужаса», я права? Отпугивает недоброжелателей. Спорю, в столе у вас валяется амулет гри-гри от воздействия магии вуду. Вы зашили внутрь свои состриженные ногти или пошли на более радикальные меры?

– Откуда ты знаешь? – встрепенулся офицер, выпрямившись во весь рост, как по стойке, и я улыбнулась, убедившись, что нащупала его больное место. – Мы живем в Новом Орлеане, детка! Тут все повязаны на колдовстве или защите от него. Так, просто на всякий случай... Моя жена очень суеверна.

– Тогда она наверняка не упустила бы шанс узнать свое будущее. Я ведь и ей погадать могу. Даже на расстоянии!

Офицер закатил глаза и просунул мне сэндвич через прутья решетки, а затем двинулся назад в офис. Мой трюк не сработал, и от безнадежности я рухнула посреди камеры, протонав ему вслед:

– Ну же! Я ведь смотрела сериалы и знаю, что ночные сме-

ны в полиции всегда безумно скучные. Таро – это бесплатно, обещаю! И мне одиночество скрасит, и вам пользу принесет. Что скажете?

Офицер остановился, покосился на настенные часы и задумчиво постучал носком ботинка о решетку. Я тоже проследила за стрелкой на циферблате: она уже подбиралась к четырем утра. Значит, нужно поторопиться. Натянув на лицо самое дружелюбное выражение, я невинно захлопала ресницами.

– Ладно, – буркнул офицер. – Сейчас принесу. Как там выглядят твои Таро?

– Вы не найдете. Еще вдруг нечаянно рассыпете стружку из помета варана... Лучше несите весь рюкзак.

Спустя пару минут, за которые я успела запихнуть в себя сэндвич с беконом, потрепанный вельветовый рюкзак уже лежал у меня в ногах. Я неторопливо перебирала его содержимое под настороженным взглядом офицера, стоящего по ту сторону решетки. Он раздражающе притоптывал, подгоняя меня.

Я проигнорировала колоду карт, лежащую на поверхности, и запустила руку в потайной кармашек. В этот карман Рэйчел настрого запретила мне лезть без крайней необходимости, и до самой ее гибели я не знала, что именно она сочла подходящим для «крайней необходимости». Пальцы погладили кедровую пробку: баночка почти опустела за эти три года, а дне осталась пара розовых горошин. Я откупорила

сосуд.

– Что ты там жуешь? – насторожился офицер, приблизившись, когда я быстро закинула себе под язык несколько крупиц морской соли. – Надеюсь, не тот помет, о котором ты говорила.

– Отойдите.

Превозмогая кошмарное жжение во рту и в желудке, я поднялась на ноги и, когда офицер не послушался и подступил ко мне, выставила перед собой пластиковую расческу.

– Отойди, кому сказала! – вскричала я, и офицер ахнул, вскинув руки над головой.

– Откуда у тебя револьвер? – ошарашенно спросил он, пялясь на расческу. – Я ведь обыскивал твои вещи. Вот же дрянь...

– На пол. Сейчас же!

Рука у меня не тряслась, как это наверняка было бы, схватись я за настоящее оружие. Приходилось сжимать расческу крайне крепко, чтобы искрящаяся магия не дала осечки: она покалывала на кончиках пальцев, под кожей, словно невесомые электрические разряды. Магия струилась по венам, и даже мучившие меня боль в горле и кашель притупились и будто совсем исчезли. Пускай я и знала, что это состояние не продлится долго, но ощущать такую силу было блаженством: величие Верховной, которого у меня никогда не было.

«Тебе не нужна заговоренная соль с добавочной магией. В тебе ее и так в избытке, Одри! Ты сумеешь преодолеть все,

с чем бы тебе ни пришлось столкнуться, потому что Верховная – это не титул. Верховная – это природа».

Нет, Рэйчел, моей силы никогда не было достаточно без волшебного допинга. Во мне никогда не было того, что могло бы мне выбраться из клетки, и я не была уверена, что это когда-нибудь появится. Во рту таяла розовая соль, горча на языке привкусом далекого моря – и вдруг иллюзии, в плетении которых я всегда с треском проваливалась, стали моим спасением.

– Не делай глупостей, малышка, – попытался образумить меня офицер, но послушно лег на пол, предварительно швырнув мне в руки ключи. – Ты бы отделалась максимум исправительными работами за документы, но теперь...

Я передразнила его и, надев рюкзак, быстро открыла решетку и вышла, зачем-то прихватив остывающее и помятое мужское пальто.

Заперев офицера полиции в камере, наставив на него дуло расчески, я пробежала через весь корпус и влетела в комнату с пустыми офисными столами. За одним из них дремал стажер перед тусклым экраном компьютера. Заметив меня, он растерянно приоткрыл рот, и я сунула расческу в карман, найдя этого паренька слишком безобидным и замученным, чтобы угрожать вымышленным револьвером.

– Приветик, чего расселся? У вас тут пожар, – сказала я, указав пальцем на коридор. – В туалете. Слепой, что ли? Там все в дыму, боже! – И, немного увлекшись, решила доба-

вить: – Ты слышишь этот лай?.. Какой кошмар! Кажется, наверху остались щенки. Надо скорее спасти их!

Стажер подорвался, сбив локтем кружку с кофе, и с бранью кинулся к коридору, откуда, как ему мерещилось, выстреливали всполохи огня. Заглянув в кладовую и за дежурную стойку в поисках чехла со скрипкой и ничего не найдя, я скрепя сердце покинула полицейский участок, подгоняемая пожарной сиреной и чувством, что искр магии в пальцах становится все меньше, пока тает соль во рту.

В такое позднее время мне пришлось идти по городу пешком, то и дело вглядываясь в тени на задворках, чтобы одна из них не оказалась моим братом. Дождь немного ослаб, и моя одежда оставалась почти сухой благодаря недавнему подарку – шерстяному пальто детектива из Бёрлингтона. Выйдя на освещенную трассу, я чудом поймала такси и попросила довезти меня до ближайшего отеля.

– Двадцать баксов, – объявил водитель спустя пять минут, за которые я не успела даже восстановить дыхание.

– Это грабеж! – буркнула я и полезла в карманы, уже зная, что скоро мне снова предстоит бежать без оглядки, не заплатив.

Но вдруг нащупала портмоне из лайковой кожи.

– Вот, – сказала я, протягивая таксисту купюру в пятьдесят долларов из тех двух тысяч, что все еще, оказывается, были у меня. – Оставьте сдачу себе.

Не торопясь вылезать из такси под промозглую морось,

пока удовлетворенный таксист пересчитывал выручку, я дрожащими руками расстегнула портмоне и робко заглянула внутрь. Новенькие купюры хрустели под пальцами, и это не только искупило все ужасные события минувшего дня, но и обещало скрасить мне ближайшее будущее.

Мой взгляд невольно замер на красных запястьях, разодранных грубым металлом наручников. Детектив Гастингс был готов переломать мне руки за кражу зеркала, но не за две тысячи наличных, которые даже забыл забрать. Странно? Невероятно странно! Такие дурни были как подарки-пирожки, посланные свыше.

– Лучший номер, что у вас есть, пожалуйста.

Тратить чужие деньги – райское наслаждение, и в нем мне не было равных.

Проспав до утра в роскошном отеле в центре Нового Орлеана в номере с видом на Бурбон-стрит и чувствуя себя наутро после приема соли так, будто меня избивали всю ночь, я заказала себе завтрак в постель. В меню нашлись самые редкие деликатесы и обожаемый мной молочный коктейль. Следующим в списке было немедленно покинуть город, но, смывая в душе скользкие и болезненные прикосновения Джулиана, я вдруг подумала, что мне не помешает еще немного приятностей.

Накупив в аптеке кучу лекарств от простуды, я не устояла перед соблазном и оказалась в примерочной элитного бутика. Вскоре старые вещи уже валялись в помойном баке: Джу-

лиан прикасался к ним тоже – значит, осквернил. Сохранив лишь рубиновый шарф, купленный Рэйчел в аэропорту Праги, я расплатилась семьюстами долларами за лаковые сапожки и шелковое платье от кутюр лимонного цвета.

– И вон ту шляпку, – счастливо улыбнулась я, довершая образ изящным головным убором, сшитым из фетра и таким же красным, как и шарф. – Ох, здесь вставки из жемчуга. Потрясающе! Обожаю жемчуг.

Тратить деньги – райское наслаждение, но вот считать их – сущее наказание.

– Черт!

Я грустно взглянула на оставшуюся сотню баксов и встала под навесом автобусной остановки в одежде, которая стоила достаточно, чтобы спокойно арендовать приличное авто. Завернувшись в пальто детектива, которое нелепо топорщилось на узких плечах и смотрелось поверх элегантного платья почти вульгарно, я рванула по лужам к автобусу с горящими цифрами – 21. Красивое число. Значит, подходит.

Примостившись возле окна, я расстегнула рюкзак и потрясла в руке мешочек с рунами, на которые уповала, несмотря на глубоко затаившуюся обиду.

– Я вас прощаю. Надеюсь, теперь вы поняли, до чего доводит промедление. Давайте впредь без глупостей!

Я кинула пригоршню кубиков на соседнее кресло. Автобус затормозил и покачнулся, но руническая вязь уже сложилась и не распалась, будто приклеившись к грязной обивке.

«Сиэтл».

– Сразу бы так, – улыбнулась я и всмотрелась в мигающее табло с остановками, одна из которых удачно выпадала на междугороднюю автостанцию.

Разъезжать на общественном транспорте между штатами – сомнительное удовольствие, но это было лучше неизвестности, отчаяния и холодных рук брата, исследующих мое тело против моей собственной воли. Добравшись до станции и пересев в автобус, идущий до Сиэтла, я затаилась в конце забитого салона и постаралась заснуть, рассасывая леденец от кашля.

Сны, что лезли в голову, когда я смыкала веки, вызывали тошноту едва ли не большую, чем тряска в душном автобусе, пропитанном табачным дымом и сыростью.

Я вышла спустя три часа езды на первой же остановке возле заправки с закусочной и, натянув шляпу пониже, оглядела пригородное захолустье. Мой взгляд задержался на вывеске тайского ресторанчика. Смрад здесь стоял соответствующий – запах чеснока, топлива и потных дальнобойщиков дальних рейсов. Поежившись лишь при одной мысли, какая антисанитария может царить внутри, я отвлеклась, разглядывая цепочку автомобилей, стоящих в очередь на заправку.

Легковушка, фургон, подержанный седан, «Вольво» и даже гоночный кабриолет. Как прекрасно было бы раздобыть машину! Например, одну из этих...

Еще три года назад, пока я путешествовала с Рэйчел, эта

идея показалась бы мне кощунством – забрать чужое. Но как много меняется, если заменить слово «украсть» на «*приобрести*», а «угодить своим капризам» на «*выжить любой ценой*».

Проводив взглядом рейсовый автобус, отбивший без единого пассажира, я сунула руки в карманы и несколько раз обошла заправку прогулочным шагом, делая вид, что слоняюсь здесь просто так. Внимательно оценивая каждый транспорт, я заприметила у второй бензоколонки новенький пикап с просторным кузовом. Блестящие диски, подпрыгивающая голова Эйнштейна на присоске у руля и идеально красный бампер. М-м, красный...

Я почти сделала свой выбор, когда осмотрелась снова и застыла напротив смутно знакомого синего джипа. Медленно приблизившись к нему, я посмотрела в затемненное окно и увидела полицейский значок, забытый на переднем сиденье.

Детектив Гастингс.

– Вот же дрянь, – прошептала я и заглянула в окна магазина, где между стеллажами с газировкой бродил высокий юноша в джинсах и бежевой куртке. – Я ничуть не мстительная. Нет. Нет... Ладно, да!

Я юркнула за телефонный автомат раньше, чем Коул повернулся посмотреть на свой джип. Сквозь мутное стекло было видно лишь, как он сгребает в охапку десятки белых коробок. Убедившись, что он слишком занят покупками, я

тоже зашла в магазин.

– Вы будете брать все? Здесь же семнадцать штук, сэр, – сконфуженно заметил продавец, нервно поглядывая то на детектива, стоящего перед кассой, то на пирамиду из замороженных яблочных пирогов, которую он вывалил ему на прилавок.

– Семнадцать? – озадаченно переспросил Коул и выпрямился, отчего стал казаться еще выше, уступая по высоте разве фонарному столбу на въезде. – Хм-м... Мне нужно двадцать.

– Вы забрали все яблочные пироги, что у нас были.

– Точно?

– Проверьте морозильник с блинчиками. Может, там завалялось.

Коул кивнул, и очередь покупателей взвыла. Побежав к камере с полуфабрикатами, он промчался мимо меня и даже не заметил. От испуга мое сердце пропустило несколько ударов, а когда детектив встал вполоборота ко мне и запустил руки под ледяные ребрышки в поисках яблочных пирогов, замерло окончательно.

– Чудила, – хмыкнула я, наблюдая из-за угла. – Но красавчик.

Коул Гастингс и впрямь был невероятно хорош собой. Даже удивительно, как я не заметила этого раньше. Впрочем, нет, ничего удивительного в этом не было: моя память о вчерашнем дне ограничивалась животным страхом, гоня-

щим меня через Новый Орлеан, и бездушными серыми глазами, которые я поклялась однажды выцарапать. После покупки платья, леденцов с шалфеем и отдыха мое самочувствие улучшилось, а ум прояснился. Теперь я могла трезво оценить, что представлял из себя нервный детектив, благодаря которому я угодила за решетку и попрощалась не только со всеми своими поддельными документами, но и с обожаемой скрипкой.

Солнце палило нещадно. Его лучи обтачивали высокие скулы, окрашивая заостренное лицо Коула в золото. Когда он нагнулся, чтобы вынуть из-под льда еще один пирог, свет затанцевал на россыпи его веснушек, расходящихся по лицу в хитросплетении с мелкими родинками. Карие глаза оказались светлее, чем выглядели вчера во мраке чернильных туч, а каштановые волосы вились вовсе не от влаги, а сами по себе. Кофейные локоны пружинились, зачесанные на затылок. Не старше двадцати пяти лет, худой и высокий, он выглядел отстраненным, далеким и непонятным даже для меня – ведьмы, для которой «быть непонятной» – синоним повседневной жизни. Коул выглядел одиноким. Неприступным. Задумчивым. И... диким?

– Нашел! – громко объявил Коул, неся в руках еще три пирога, в этот момент он выглядел по-детски счастливо, настолько, что мне почти расхотелось делать то, что я собиралась.

Однако ключи от машины с брелоком-ракушкой, соблаз-

нительно звенящие на его большом пальце, быстро расставили все по местам.

Я налегла на соседний стеллаж и оттолкнулась ногой, обрушивая стойку с консервными банками на Коула, несущего яблочные пироги.

Послышался сдавленный крик и топот разбегающихся посетителей, когда упавший стеллаж задел соседние. Я стремительно обогнула гору из сваленных продуктов, из-под которой торчали длинные ноги, и подобрала ключи от машины, упавшие рядом с коробкой кукурузных хлопьев.

Выбежав на улицу прежде, чем кто-нибудь из покупателей помог мычащему Коулу, заваленному консервами, выбрать-ся, я нашла его машину и сняла блокировку на пульте.

Синий джип поприветствовал меня громким гудком. Вытащив заправочный шланг, я запрыгнула за руль и завела мотор. Вездеход – то, что нужно для непредсказуемых многолетних скитаний по стране! Я точно оставлю этот джип надолго.

Предвкушая скоростной кайф и освежая в памяти уроки вождения Рэйчел, я сняла машину с ручника.

– Штрудель!

Мне в спину впиалась бритва, раздирая пальто, и я завизжала. В лицо кинулся гигантский комок шерсти, и от неожиданности я вдавила ногу в педаль газа, но, не проехав и метра, впечаталась в заправляющийся фургон. Даже после резкого толчка животное не оставило попыток разодрать мне

лицо, но, запутавшись в моих волосах, протяжно замыкало. Стащив с себя чудовищное животное, которое оказалось толстым рыжим котом, я вывалилась из джипа и попыталась подняться, чтобы трусливо бежать, бросив ключи на землю.

Длинные ноги в коричневых ботинках и полосатых носках отрезали мне путь к отступлению. Коул схватил меня за воротник пальто и убрал с моего лица включенные волосы, чтобы я в полной мере смогла лицезреть неоднозначное выражение на его лице. Наверное, именно такое лицо бывает у тех, кто ловит преступника с поличным, – самодовольство, граничащее с жалостью.

Но впервые за много лет я вдруг вспомнила, что это такое – предчувствовать, как даже вопреки дерьмовым обстоятельствам твоя жизнь вот-вот изменится в лучшую сторону просто потому, что произошло то, что должно было произойти с самого начала.

– Так вот оно что, – прошептал Коул, щелкнув своим зеркальцем и выставив руку так, чтобы видеть мое отражение. – Ты ведьма.

III. Лев и дева

– Ведьма.

Я поперхнулась ирисками, пакетиком которых меня любезно угостил Коул, и сняла фетровую шляпу.

– Вам что, нравится оскорблять меня, детектив?

Молодой мужчина лениво повернулся. Находиться со мной лицом к лицу давалось ему с таким же трудом, с каким мне – выносить душный климат Дели или шумных ирландцев в дублинской пивнушке. Даже после всего, что свело нас вместе в этом дрянном тайском ресторане, дикости в его тигриных глазах не поубавилось ни на грамм. Правда, в отличие от дикости зверя, его дикость ничуть не утешала – кто станет бояться того, кто напуган сам? А Коул был напуган. Кажется, постоянно. Тонкие пальцы, отстукивающие по краю стола барабанную дробь, лишний раз убеждали в этом. Раз, два. Раз, два. Шаманский ритм, усыпляющий бдительность. Коул передернул плечами и поправил воротник клетчатой рубашки, еще не выглаженной после шторма в Новом Орлеане. В свете выцветшего торшера карие глаза подсвечивались янтарем, а кофейные кудри выглядели еще более спутанными, чем мои волосы после встречи с его котом.

– Ведьма, – повторил Коул, когда я снова захрустела конфетками. – Это многое объясняет.

– Еще одно слово – и я уйду.

– М-м... Ведьма.

– Прекрати! Что с тобой не так?

Гигантская статуя Будды подглядывала за нами из-под гирлянды красных бумажных фонариков, подмигивая в полумраке драгоценными вставками вместо глаз. Коул вновь отбил пальцами какой-то марш, длящийся целую минуту, за которую я успела слопать миску Том Яма. Когда я приложила ко рту салфетку, он наконец-то заговорил, тихо и размеренно. Точнее, запел:

*Гроздь рябины под окном,
В такой цвет ведьма красит дом.
Губы, щеки и подол,
Все полыхает как огонь.*

*Зверобой, полынь, терновник,
Жемчуг положи на подоконник,
Прикрой шелком наготу,
Ведьма любит красоту.*

*Клевер, вяз, крапива, дуб,
Злые духи не войдут,
Ведьма плачет – быть беде,
Венок сплетет, какой и где?*

*Васильки – могила ждет,
Мак – судьба с ней больше не сведет,
Омела – ведьмин поцелуй,*

Фиалки – на свадьбе весело танцуй.

*Ежевика, лен и астра,
Нигде не будет безопасно,
Север, запад и восток,
Скрипка магию влечет.*

*Железо, меч и соль морская,
Для ведьмы чар – проклятая награда,
Любовь гони прочь впоныхах,
Завидев жемчуг в женских волосах.*

Из-за пасмурной погоды, перекочевавшей из Нового Орлеана в пригород, здесь было не только душно и темно, но и безлюдно. Поэтому единственным, кто оглянулся на маниакальное мурлыканье Коула, был повар, поджаривающий на сковороде креветки в манговом соусе.

– А ты поэт, – ухмыльнулась я, изображая равнодушие. – Тебя пригласили выступить на детском утреннике?

– Это считалочка, – поправил меня Коул. – Повторить?

– На кой черт?

– Чтобы ты поняла, как именно я узнал, – произнес он почти снисходительно, обводя широким жестом и мою красную шляпу с ободом из речного жемчуга, и губы, выкрашенные тонким слоем помады, и лимонное платье из стопроцентного шелка.

– Это называется мода, – тут же парировала я. – Все де-

вушки сейчас так выглядят. Заведи инстаграм.

Коул наклонился, доставая из-под стола продолговатый футляр из угольно-черной кожи, который даже не требовалось открывать, чтобы я узнала его и тут же протянула руки, заключая любимую скрипку в объятия.

– Где ты ее нашел?!

– Забрал в полицейском участке, – поведал он, пока я гладила тонкий инструмент из лаковой ольхи.

Снова закрыв чехол, я опустила его под стол и привычно зажала между коленей, задушив восторженный крик.

– Ты возвращался в участок? – уточнила я.

– Ага, – кивнул Коул. – Решил забрать тебя, когда осознал.

– Осознал что?

– Что я круглый идиот. Не распознать ведьму в той, что заснула прямо на заднем сиденье моей машины... Это ведь было так очевидно!

– Ну вот, опять та же песня, – утомленно вздохнула я. – У тебя шарманку заело?

Коул проигнорировал мою издевку и откинулся на спинку стула, явно не намереваясь отступить.

– Ведьма, – шепнул он снова, чем подтвердил мое предположение о шарманке.

– Бред, – фыркнула я, уже не столько из страха оказаться разоблаченной, сколько из упрямства. – Ты всегда такой странный?

– Да, – невозмутимо признался Коул. – Но вряд ли я

страннее девушки, которая преследует меня по всему штату, только чтобы обокрасть еще разок... – И раньше чем я успела перебить его и объяснить, что все наши встречи – чистая случайность, Коул выпалил: – Знаешь, именно этого мне и не хватало в заслуженный отпуск! Я остался без денег и с огромной шишкой на лбу. Огромное спасибо!

– Так ты в отпуске, – задумчиво протянула я, надкусывая жареную картошку, которую успела стащить из тарелки Коула. – Очень странно ты представляешь себе уикенд, охотясь на колдунов вуду на другом конце страны, – я лукаво прищурилась, и настал мой черед привести его в замешательство. – Да, я подслушивала. Как ты вообще вышел на него? На того афроамериканца с тростью из черепа... Ты ведь в курсе, что это был настоящий человеческий череп, да?

– Мы списались по интернету, – пожал Коул плечами. – Он ведет свой блог.

Всегда отстраненное выражение на его лице было не так уж просто раскусить. После бесчисленных краж и уловок все люди были для меня предсказуемы, но вот мысли Коула казались потемками, уже не говоря о душе. Находка для кладоискателей! Непокколебимый и сосредоточенный, он в то же время производил впечатление наивного простака. Было сложно понять его, кто в одно мгновение вызывает у тебя смех, а в другое – щемящую нежность.

– Я тоже кое-что видел, – заявил Коул. – То, от чего ты бежала, когда чуть не угодила мне под колеса. Тот парень, что

преследовал тебя, тоже колдун. Он показался мне... одержимым. Он бы убил тебя, если догнал.

Я поперхнулась картофелем и поспешила запить его цветочным чаем. Стручок корицы, плавающий на дне чашки, горчил во рту, но не так, как желчь, что подступила к горлу от воспоминаний.

– Надо же! Ты и впрямь его видел, – искренне удивилась я. – И даже запомнил. Невозможно! Джулиан применяет чары, чтобы оставаться невидимым для смертных... Даже в детстве на Хэллоуин не забывал о них, чтобы стащить побольше мармелада у соседей.

– Дельный навык, – одобрительно промычал Коул, нервно жуя губы, которые и так были у него искусанными и малиново-красными. – А почему ты не используешь такие же?

– Использую. Люди забывают меня через два дня, если только мы не увидимся снова. Это для их же безопасности... Ну, и моей собственной, разумеется.

Коул безразлично пожал плечами, гипнотизируя взглядом свою порцию картошки, будто ожидая, что она вот-вот оживет и станцует.

– Но я-то тебя помню, а прошло как раз два дня.

– Да, ты – та еще аномалия, это мы и так поняли.

– Значит, ориентировка на твое имя не выйдет, – вдруг сказал он и даже почти улыбнулся, что поразило меня куда больше, чем все, что мы обсуждали до этого: все это время его лицо практически не менялось. – Я промотал запись

с камер видеонаблюдения в участке. Идея с расческой-револьвером была хороша. Правда, стажера пришлось отпаивать бренди после истерики... Это было внушение?

– Иллюзия. Ты расспрашиваешь меня обо всем так, будто никогда...

– Никогда не встречал ведьм? Нет, встречал, но ты первая, с кем мне удалось пообщаться. Обычно они сбегают. Никто не любит представителей правоохранительных органов. Ведьмам нет дела до наших законов, но именно за этим я сюда и приехал.

– Ты ищешь ведьму?

– Да. Жаль, что мне попалась только неприкаянная беглянка. – Коул уронил локти на стол, отчего посуда вздрогнула, как, впрочем, и я. – Расскажешь, что с тобой приключилось? В ту ночь ты выглядела, как жертва бытового насилия. Обычно я оказываюсь прав. Тот жуткий тип в плаще – твой бывший?

Бывший. Это слово пронзило меня насквозь, как копье. Горло скрутило узлом, и я поспешила отодвинуть от себя еду, чтобы перестало мутить.

– Ладно, если не хочешь изливать мне душу, то у меня накопились вопросы и по теоретической части... – пробормотал Коул.

– Как ты делаешь это? – резко перевела стрелки я. – Отличаешь людей от тех, кто выдает себя за них. Похоже, ты сталкиваешься с подобным слишком часто для рядового члена

полиции. То зеркало, что ты носишь с собой, показывает тебе правду?

Коул осторожно взял ириску из пакетика – первую против двадцати штук, что я уже съела. Медленно развернув ее и закинув себе в рот, посмотрел мне в глаза лишь долю секунды, а затем, не вынеся зрительного контакта, отвернулся.

– Вообще-то я думал, что это ты мне скажешь. Ведьмы ведь всегда знают. Все и обо всем.

– Я давно не вхожу в их число. Ведьма без ковена – не ведьма.

Коул скептически вздернул бровь и молча шарил по карманам застиранных джинсов, пока не выудил нечто глянцевого и овального. Потертая бронза, не обремененная изысканными украшениями, была украшена черными ромбами. Коул поддел ногтем крышку, а спустя миг из зеркала на меня уставились два темно-серых глаза. Кукольное лицо в обрамлении искусственно-пепельных волос почти сливалось с ними по цвету, бледное и истощенное от вечного бегства.

– Видишь? – спросил он, держа зеркало, в котором я тщетно старалась разглядеть что-то новое помимо образа, который мне не нравился. – Отражение так не считает. Все еще ведьма.

– Ой, погоди, – зашептала я театрально, подавшись к зеркалу. – Что-то вижу... Сейчас... Зеленая кожа и рога! А, нет, показалось, это все еще просто я. Ничего там нет, дурень!

Коул нахмурился и повернул зеркальце к себе. Я успела

рассмотреть, как причудливо искажаются в нем родинки на его лице и шее, похожие на шоколадную крошку в сливочном пломбире. Коул облизнул большой палец и заботливо потер зеркальце.

– Должно быть, оно зачаровано для тебя одного, – предположила я, не совладав с любопытством. – Дай-ка сюда. Смогу определить, если...

– Нет, – ошетинился Коул и захлопнул зеркальце у меня перед носом в тот момент, когда я перегнулась к нему через стол. – Не в этот раз!

– Как скажешь.

Категоричный тон Коула умерил мой пыл, а также желание помогать. Вернув себе хладнокровие, я глотнула из пилалы чай.

– Та смешная считалочка... Откуда она? Если я – первая ведьма, которая согласилась с тобой говорить, ты вряд ли написал ее сам. *«Прикрой шелком наготу»*... Очень умно объединить все наши фетиши в милой песенке. Мы и впрямь славимся... тягой к прекрасному, – ловко заменила я слово «клептомания».

– Это стихотворение моей бабушки, – ответил Коул как-то смущенно, будто рассказывать о себе было для него чем-то новым и даже неприличным. – В Северной Каролине, где я рос, ведьм живет много.

– Неужто ведьмы Северной Каролины похищают детей? – хихикнула я, но серьезное лицо Коула не дрогнуло. – Должна

же быть причина, почему твоя бабушка так боялась нас.

– Она не боялась, – покачал головой Коул, и челка спала ему на лоб, закрывая веснушки вдоль переносицы. – Бабушка умерла раньше, чем я успел спросить ее об этом, но, наверно, она просто хотела, чтобы я был готов. Предупрежден – значит вооружен.

Он также взял свою пиалу, и мы оба сделали по глотку в гробовой тишине. Руки так и чесались стащить у Коула ключи от машины, кокетливо выглядывающие из кармана штанов. Пока он возился с десертом из засахаренных каштанов, не зная, как их есть, я судорожно соображала, что делать дальше: сбежать через окно в туалете или просто вырубить его подносом, все-таки забрав ключи?

– Я не быю женщин, – неожиданно брякнул Коул и добавил, прежде чем я успела раскрыть рот: – Но придется, если ты все-таки выберешь поднос. В туалет я тоже тебя не пущу, ведь там над раковиной, скорее всего, есть окно. Поэтому... Справишь нужду на следующей заправке, если надо.

– Вау, – невольно восхитилась я чудесами дедукции и робко уточнила, угнетенная странным осознанием, что, наверно, именно так обескураженно и чувствовали себя те, кого мне приходилось дурить на улицах: – Секунду... Когда это мы вдруг стали попутчиками?

Коул допил чай, громко причмокивая от сладости меда, и неловко улыбнулся, обнажая едва заметную щербинку между передними зубами, которая делала его еще более очаро-

вательным.

– Я возвращаюсь домой, в Бёрлингтон, и хочу спасти какую-нибудь доверчивую семью от пропажи машины и большей части наличных. Если выдвинемся сейчас, уже утром будем в городе. – Коул взглянул на объедки и зачем-то завернул их в салфетку, пока я шокированно наблюдала за этим действием, варварским даже для меня. – Что? Надо же мне как-то искупить вину перед Штруделем. Твое вторжение – большой стресс для него.

– Штруделем?

– Так зовут моего кота. Мы путешествуем вместе.

– Ах, речь об этой свирепой буханке хлеба, которая пыталась сожрать мое лицо? Да, я помню.

Коул насупился и снова сел, заметив, что я не собираюсь двигаться с места.

– Я правда предлагаю тебе поехать со мной. Ты ведь все равно кочуешь из города в город. Чем тебе не очередное приключение?

– Ну уж нет! – разозлилась я, топнув ногой. – Чего ты привязался, а? Ждешь благодарности за спасение от бури? Хватит и того, что я оплатила ужин.

– Вообще-то, фактически счет оплатил я, – сказал Коул. – Потому что ты сделала это деньгами, которые украла у меня в Новом Орлеане. Что-нибудь от них еще осталось, кстати?

– Только это, – я горделиво поправила свою жемчужную шляпу. – Взяла на сдачу после того, как сняла себе на ночь

пентхаус.

– В бумажнике были все мои накопления за год и отпускные, – Коул застонал.

– Оу, – бесстыже улыбнулась я. – Не повезло.

– Действительно, – согласился он, и я внезапно поняла, что все это время он не сводил с меня глаз, пускай и предпочитая пялиться куда-то в точку между моих бровей, чтобы не была так заметна его болезненная отстраненность. – Не повезло в деньгах – повезет в работе.

– Там вообще-то не так говорится... Скажи, как такому, как ты, вообще доверили полицейский значок?

Я часто говорила невпопад, а еще чаще говорила то, за что многие с радостью бы вырвали мне язык под корень. В этот раз вырвать свой язык захотелось мне самой. Как и всегда, лицо Коула не дрогнуло, но дрогнул взгляд. Он буквально остекленел, и меня обожгло так же, как его, судя по всему, обожгло мое замечание.

Однако его голос остался ровным и ничем не выдал уязвленности:

– У меня синдром Аспергера, если ты об этом. Да, я устроился работать в полицию незаконно. Да, я каждый год откупаюсь от медицинских скринингов. И нет, диагноз не мешает мне делать мою работу. А еще я очень старательный, умный и ответственный, чтобы ты знала.

– Коул, я не имела в виду...

– И я хочу, чтобы ты поехала со мной, потому что мне

позарез нужна помощь кого-то вроде тебя. В моем родном городе творится неладное. К тому же ты ведь вряд ли бывала на озере Шамплейн. А оно просто невероятное!

Бескрайние воды, обтачивающие многолетние скалы. Тысяча километров безмятежной прозрачной глади, великолепие созерцательной красоты. Первозданный источник магии, который позволил группе потерянных ведьм пустить корни на одном из берегов и взрастить ковен, именовавшийся как то место, что его приютило.

Там жила я. Там я и умерла – умерла та часть моей души, которая ушла следом за семьей, разорвавшись от горя. И ни за что я не согласилась бы вернуться туда после того, как уже однажды позволила Рэйчел уговорить меня... Позволила Рэйчел там же меня и покинуть. Озеро Шамплейн больше не первоисточник магической силы. Озеро Шамплейн – кладбище, с какого края к нему ни подступись.

Память заржавела, но ожила, когда я услышала эти слова. Полчаса от Шелберна и час от Шарлотта, а в сумме полчаса от особняка. Бёрлингтон входил в наши владения, как и все прибрежные города, за магический порядок в которых отвечала Верховная.

Бёрлингтон – моя ответственность.

– Я не поеду.

Должно быть, это прозвучало так, будто я испугана, потому что Коул резко подался ко мне. Повеяло запахом чая и жженой карамелью.

– У меня однокомнатная квартира с видом на рыбацкий причал, – начал наседавать он, часто моргая. – Я живу один... Ну, почти один, если не считать Штруделя. Ему по праву принадлежит диван, но, думаю, он не станет возражать, если мы переселим его на лежанку, а тебе достанется моя кровать.

– Коул, я не поеду.

– Кровать, кстати, ортопедическая.

– Коул...

– Ты украла у меня две тысячи долларов, – попытался воззвать к моей совести он.

– Ты сам оставил мне их!

– Да, – Коул взъерошил кудри. – Я забыл. Зеркало мне очень дорого, и его пропажа вытеснила все остальное. Но это в любом случае кража... – И, смутившись при виде моих гневно раздутых ноздрей, он тут же поднял белый флаг: – Эй, я не собираюсь писать на тебя заявление! Мне просто было бы приятно, если бы ты согласилась их отработать. Не в том смысле! – Коул тут же осекся, краснея. – Я не знаю тебя, а ты не знаешь меня, но у нас обоих есть то, что мы можем дать друг другу, – он сел прямо и на волшебную долю секунды все же смог заставить себя задержать взгляд на моих глазах. – Твои знания и магия в обмен на временное пристанище. И, что самое чудесное, тебе даже не придется ничего красть! Продукты за мой счет.

Предложение звучало сомнительно, но выгода – многообещающе. Ладони вспотели от одной лишь мысли, что на

свете вновь появится кто-то, на кого я могла бы положиться, как на Рэйчел в свое время. Я встряхнула головой и отрезвела: участи, к которой ее привела близость со мной, никто не заслуживал. Особенно Коул.

Языки пламени уничтожают, уничтожают, уничтожают.

– Ты всего лишь человек, Коул, – мягко прошептала я. – Весьма необычный человек, отрицать не стану, но ты даже понятия не имеешь, в какие неприятности я могу тебя втянуть. Ты ведь не знаешь всей истории и уж тем более не знаешь, смогу ли я помочь тебе. Я не самая выдающаяся ведьма, детектив, и вообще-то я направлялась в Сиэтл, так что нам не по пути и...

Стараясь не поднимать глаза на Коула, я быстро перехватила лямку своего рюкзака и потянулась под стол за скрипкой, чтобы сбежать, но молния на рюкзаке предательски затрещала. Из него посыпалось содержимое, завалив проход между столиками. Гастингс вздрогнул и наклонился за разлетевшимися картами Таро, выпавшими из шкатулки вместе со склянками и бельем.

– Я сама! – остановила я его, когда Коул поднес к лицу одну из позолоченных карт, вглядываясь в изображения веселого юнца, скачущего по холмам с узелком наперевес.

– Что это? – поинтересовался Коул, не выпуская карту. Я обреченно выдохнула.

– Эта карта Дурака. Ее еще называют Шутом. Как видишь,

карты никогда не ошибаются, — язвительно подметила я, и когда Коул повернул ко мне другую поднятую карту, то только подтвердил мои слова: — А это Верховная Жрица. Олицетворение тайн и ворожбы.

— Поразительно, — восхитился Коул, хотя о его восторге я лишь догадывалась, ведь он всегда говорил с одной интонацией, а выражение лица у него менялось только в моменты смущения. — А если я спрошу у них о твоём преследователе?

— Не смей!

Но Коул уже поднял следующую карту, и внутренности у меня скрутило.

— Можешь не объяснять, — тихо сказал Коул, садясь за стол с тремя картами, зажатыми между пальцев. — Я и сам вижу. Это дьявол.

Чудовище, чьи рога вились так высоко вверх, что почти выходили за край рисунка. На фоне скалящегося дьявола вопили белые фигуры в цепях, преклоняя колени, — низвергнутые души, навсегда заточенные в его власти. Ни одна карта не описала бы натуру Джулиана лучше, чем эта.

Воспользовавшись моим замешательством, Коул наклонился и собрал все мои вещи, а затем разложил их перед собой. Убедившись, что под столом не затерялась ни одна хитрая карта, он замороженно перетасовал их, оставив уже выбранные три лежать рубашками кверху.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я, на что Коул перемешал колоду еще раз.

– Не знаю. Наверно, пытаюсь уговорить тебя.

Он остановился, взвешивая колоду Таро на ладони, и посмотрел куда-то мне в лоб, очевидно, чтобы изобразить зрительный контакт, который из-за синдрома Аспергера был для него ужасно сложным.

– Что будет, если ты поедешь в Сиэтл, как и планировала? – вдруг озвучил он и снял верхнюю карту, кладя ее рядом с моим барахлом.

Таро издавна служило развлечением даже для самых маленьких ведьм, потому что, податливые и честные, карты отвечали практически всем, кто взывал к их благосклонности. Коул же не воспринимал карты всерьез, поэтому даже не подозревал, что играл с магией, которая ластилась к его рукам, как котенок. И отвечала она ему предельно честно.

– Это... Башня? Что она означает?

Ничего хорошего.

Воздух затвердел в легких, и меня пригвоздило к стулу. Я молча уставилась на карты, переливающиеся в мягком свете ламп. Каменную башню на рисунке пожирало пламя: спасаясь и погибая, из нее сыпались, как опадающие листья, люди. Страх, отчаяние и разрушение.

– Это означает, что все будет, как я и задумывала, – невозможно солгала я, как делала уже много лет.

Коул подозрительно нахмурился, но придирааться не стал и перевернул следующую карту.

– А если ты отправишься со мной в Бёрлингтон?

Юная дева в белоснежном одеянии, цепляющаяся за гриву льва, чья пасть была раскрыта в предостерегающем рыке, направленном против врагов. Прильнув к коленям девы, он служил ей, покладистый и верный.

– Это Сила.

– Хорошая карта?

– Очень.

– Тогда выбор очевиден. Сила точно выглядит привлекательнее, чем руины, – вынес свой вердикт Коул, с сомнением покосившись на отложенную карту Башни.

Я скрестила руки на груди, показывая свое недоверие.

– Это ничего не значит, мистер-Дельфийский-оракул. Ты ведь до этого дня наверняка считал, что Таро – просто еще одно неплохое имя для кота.

– Твоя правда, – смирился Коул и отодвинул колоду, интересуясь, что еще успело вывалиться из моего рюкзака. – А что насчет этих штук?

У Гастингса были тонкие пальцы, длиннее моих, наверное, раза в два, и потому он дотянулся до мешочка с рунами быстрее, чем я до его наглой физиономии.

– А ну лапы прочь! Это уж точно не для твоих ребяческих шалостей, – рывкнула я, шлепнув его по ладони, и Коул отпрянул, отреагировав на касание так же остро, как на удар током. – Сам за свое карманное зеркальце ткнул меня в землю лицом, а по чужой сумке бессовестно рыскать – это пожалуйста!

Не найдя, что противопоставить моему замечанию, Коул виновато потупился и выпустил мешочек из рук. Руны высыпались и застучали по поверхности стола. Я хлопнула себя ладонью по лицу.

– Просто. Ничего. Не трогай! Хватит!

– Они что, вырезаны из кости? – все же не сдержался он, взяв один кубик и водя пальцами по граням.

От злости у меня свело скулы.

– Да, из человеческой, и ты очень близок к тому, чтобы я и из тебя сделала себе какую-нибудь увеселительную финтифлюшку!

Коул скептически нахмурился, не отвлекаясь от кубика с руной Перт, а я бросила беглый взгляд на остальные, прежде чем смести их в горстку, но моя рука замерла над рунами, что сложились в тесный ряд.

«Бёрлингтон».

– Извини, я иногда слишком увлекаюсь. Я сейчас все собираю...

– Оставь! Подожди...

Беркано. Соуло. Почему? Куда делся предреченный «Си-этл»?!

Я загребла все руны в ладони и, встряхнув, бросила.

Беркано. Соуло.

«Бёрлингтон».

– Да вы издеваетесь, – заныла я.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? По-

клянись, что и шага без них не сделаешь, Одри».

Клянусь, чтоб его!

Зажмурившись на пару мгновений, чтобы собраться с мыслями перед признанием победы Коула, я наконец выдохнула и быстро вернула руны в мешок. Мне потребовалось несколько минут, чтобы перебороть гордость и сказать:

– Так и быть. Я поеду с тобой в Бёрлингтон. – И, не давая Коулу вставить ни слова, выставила перед ним указательный палец: – Но я не стану обещать, что не уеду оттуда тогда, когда сочту нужным. Понятно? Никаких договоренностей.

– Никаких договоренностей, – эхом отозвался Коул. – Может, еще картошки закажем? Ты съела мою.

Резкая смена темы ввела меня в ступор.

– Новую порцию картошки еще полгода готовить будут, – проворчала я. – Ладно, закажем картошку с собой, так и быть.

Я сложила все свои вещи в рюкзак, быстро перебирая руками, чтобы Коул не успел заметить в кипе барахла мой выпавший бюстгальтер, и подняла скрипку.

– А это правда, что ведьмы живут пятьсот лет? – вдруг спросил Коул.

Я высунула язык, запихивая в карман рюкзака свою атласную кофточку.

– Нет. Мы долгожители, а не бессмертные. Лет двести пятьдесят или триста... Кому как повезет. Может, погнали уже, а? Или тебе прямо тут справочник по ведьмовскому жи-

тью накатать?

Мы поднялись, направляясь к стойке выдачи заказов на вынос. Тучи снаружи сгущались, нагнетая мрак внутри ресторанчика, и я поспешила запахнуть пальто, чтобы не разболеться снова. Одну простуду я и так с трудом пережила.

Сложив в бумажный пакет две порции жареной картошки, Коул придержал для меня дверь, пропуская вперед. В усиливающемся ветре мы добежали до джипа, и я забросила на задние сиденья свой багаж, метая, чтобы попасть в дремлющего кота.

Протяжно мяукнув, Штрудель умастился на моем футляре, который тут же порыжел и сделался меховым, как и весь салон автомобиля.

– Сядешь к Штуду или ко мне?

– Однозначно к тебе.

Я устроилась на переднем сиденье и скукожилась в кресле, как изюм, пытаясь занять удобное положение и немного расслабиться. Путешествовать с кем-то было мне в диковинку.

Коул завел мотор. Перестав щепетильно вылизываться, кот спрыгнул с моей скрипки и перебрался к нам. Жирок под персиковой шерстью колыхался, и пухлые бока едва не застряли между сиденьями.

– Что происходит? – сглотнула я, когда Штрудель, размяв лапы на коленях Коула, остался чем-то недоволен и навострился перейти ко мне. – Ну уж нет...

– Погляди, Штрудель пошел на мировую! – умилился Коул. – Что такое? Разве ведьмы не обожают кошек?

– Это стереотип, – мрачно сказала я, стараясь не притрагиваться к вибрирующему клубку весом в шесть фунтов, который улегся мне на колени.

Штрудель зевнул, и на меня сонно уставились два глаза-цитрина, чуть ярче и желтее, чем глаза Коула. Убедившись, что кот действительно ластится, а не собирается взять надо мной реванш, я легонько потрепала его по холке. Хвост возмущенно вильнул, ударив меня по носу.

– Вздремни, – посоветовал мне Коул, включая дворники. – До Бёрлингтона сутки пути. Только сначала...

– Что?

Коул замялся, и я невольно напряглась.

– Скажи, как тебя зовут на самом деле?

Я – лгунья, и это норма для тех, кто вынужден скрываться и выживать. Но, глядя Коулу в глаза, пускай он тут же и отводил их, я внезапно поняла, что устала от непрерывной лжи. И впервые за много лет я услышала, как непривычно, приятно и волнующе звучит мое собственное имя:

– Одри Дефо.

Уголки губ Коула дрогнули, и он смел мои удостоверения, забранные из участка в Новом Орлеане и лежащие на бардачке, в бумажный пакет. Неожиданно для себя я не стала препятствовать.

– А я Коул Гастингс. Приятно познакомиться. Там, куда

мы едем, врать и прятаться тебе не придется. Поездка в Бёрлингтон станет лучшим твоим решением, вот увидишь!

Это прозвучало не так искренне, как Коул пытался. Я усмехнулась, заметив красные пятна, которыми он покрылся. Судя по ним и тому, как Коул, нервничая, едва не выдернул с корнем рычаг передач, заводить новых друзей ему доводилось не часто. Джип помчался по шоссе так быстро, будто из тайского ресторана за нами гнался сам Будда.

Впрочем, лучше бы это и впрямь был Будда.

IV. Бёрлингтон

Голубая глина, которую так приятно мять в руках. Белоснежные катера и рыболовные судна, дрейфующие по кристаллической глади. Прогнивший пирс, заросший мхом, от которого побегут мурашки до самой макушки, если пройтись по нему босиком.

Я не повернулась на шорох гальки и не подняла глаз, даже когда Джулиан опустился рядом.

– Ты знал?

Мой голос звучал сухо, как шорох листьев на пожелтевших деревьях, чей ветреный шелест Рэйчел звала пением лесных духов. И, по ее заверениям, духов вокруг нас было непомерно много: они, как и деревья, милостиво берегли наш ковен от чужих глаз.

Джулиан все молчал, а я пыталась увидеть перед собой хоть что-то, а не осунувшееся лицо матери, когда она говорила то, что я предпочла бы забыть.

– Почему ты не рассказал? – спросила я, и от тишины, ставшей мне ответом, захотелось кричать.

Я повернула голову. Злость подступила к горлу при виде сдержанного вида Джулиана, который даже не думал оправдываться или извиняться, как ему следовало.

– А что другие? – прошипела я, и голубой глине в моих руках больше не требовалось мое теплое дыхание, чтобы оста-

ваться мягкой: склизкая, она потекла, как жидкость, плаваясь на коже от неестественного жара. – Рэйчел? Дебора? Маркус? Эмма? Они тоже знали? Говори же!

– Да.

– Что «да», Джулиан?!

– Все знали, – подтвердил он, перебирая мелкие песчинки. – Кроме Ноа и Хлои. Они еще слишком маленькие. – И прежде, чем я успела швырнуть кипящую в ладонях глину ему в лицо, Джулиан наконец-то заговорил: – Успокойся, Одри! Мы сами узнали об этом только два дня назад.

– Два дня, по-твоему, недостаточно?! Ты предал меня!

– Хватит молоть ерунду! Это мама велела нам молчать, потому что хотела рассказать тебе все лично. Я не мог не выполнить ее просьбу, учитывая, что это, возможно, последняя просьба в ее жизни!

Я демонстративно зажала уши, тряся головой, чтобы не слышать.

– Замолчи! Замолчи! Я не заслужила, чтобы узнать последней новость, что нашу мать, саму Верховную ведьму, сжирает какой-то примитивный человеческий рак!

Джулиан снова затих, но теперь смотрел на меня в упор – хладнокровный, непроницаемый... Уступчивый. Он всегда контролировал свои эмоции лучше, чем кто-либо из нашей семьи. Даже сейчас он терпел и смиренно переживал бурю, которая рвала мою душу на части. Бурю из слез и ветра, гонящего воду к берегу, как при морском приливе.

– Эй, – ласково позвал меня Джулиан и потрепал по волосам, хотя я попыталась увернуться и оттолкнуть его, ударив локтем в грудь. – Дыши глубже, Одри. Погляди, из-за тебя шторм начинается...

Я крепко жмурилась, глотая соль, щиплющую губы. Джулиан осторожно обнял меня, подставляя свое плечо, в которое я незамедлительно уткнулась. Он всегда был моей опорой, моей крепостью, но даже она распалась на тонну булыжников, неспособная укрыть меня от горя потери самого любимого человека на свете. И все же объятия Джулиана утешали, как молоко с медом, и сквозь слезы я разглядела потемневший пейзаж, утративший безмятежность: буря эмоций обернулась бурей природы. Катастрофически похолодало.

– Возьми себя в руки, – сказал Джулиан шепотом, целуя меня в волосы, расплетенные по дороге на пирс. – Маме не понравится, если в июне выпадет снег. Ты почти сломала лето!

Джулиан попытался выбить из меня смешок, и ему это почти удалось. Я всхлипнула, но тучи покорно расступились, возвращая солнце на небо.

– Ты станешь самой молодой Верховной, – произнес брат, и я снова постаралась вырваться, но он бескомпромиссно удержал меня, повернув мое лицо к своему. – Пойми, как тебе повезло! Все мечтают об этом. Ты не останешься одна. Я, Дебора, Маркус, Чейз и другие – мы всегда будем рядом.

– Может, и мама будет тоже? – начала я и договорила раньше, чем Джулиан, тяжело вздохнув, успел бы разбить в прах все мои грезы: – Может быть, дар исцеления... Он ведь лечит все, разве не так? Помнишь, как мама вылечила бесплодие Моники?.. А катаракту Нины? А запущенную стадию энцефалита добермана Пикуля...

– Одри... – Джулиан поморщился, и я знала, что он совсем не хочет говорить то, что должен сказать. – У мамы метастазы по всему телу. Она ведь объясняла тебе, что уже исцелялась... Прошло три года, а рак все не останавливается. Мама слишком стара. Магия – это своеобразное озеро: она имеет свойство иссушаться. Рано или поздно Верховная увядает – и это нормально. Тогда на ее место приходит следующая...

– Может, это и не рак вовсе? – продолжала упрямо я. – Может, это проклятие или... У ковена ведь есть враги, да? Чего стоит одна Аврора Эдлер! Ох, если бы мама сообщила нам раньше, а не ждала столько лет, страдая в одиночестве... Мы бы точно во всем разобрались. Но у нас еще есть время, Джулс!

– Одри!

Брат резко выпустил меня и зажмурился, ударив сжатыми кулаками по земле и подняв в воздух облако из песка и пыли.

Это облако, став огромным, зависло над нашими головами, как одна из призванных мною раньше туч. Стена из песка мерцала, как Млечный Путь, и это было бы красиво, если бы телекинез Джулиана не был таким устрашающе мощным,

когда его эмоции выходили из-под контроля.

Я потянулась вперед, и настал мой черед обнимать брата.

– Я люблю маму, – сказал он с надрывом, и я, ни разу не видевшая Джулиана плачущим, вдруг поняла, что именно так звучат его слезы – дребезг стекла разбитого сердца. – Но ей двести лет, Одри. Никто не может жить вечно.

Облако песка замерцало вновь, а затем обрушилось, осыпаясь на наши волосы и одежду. Джулиан открыл глаза.

– Мы – ковен, Одри. Нет ничего, с чем мы бы не смогли справиться. А еще... – Джулиан сунул руку в карман штанов и, порывшись в нем, достал длинное воронье перо с металлическим наконечником. – Повернись.

Сил, чтобы спорить, у меня не нашлось. Я послушно села, вытянув разутые ноги к кромке воды, и почувствовала, как брат задирает край моего свитера. По голой спине пробежал теплый бриз, а затем – холодное и острое перо, рисующее что-то, разливающееся умиротворяющей истомой по телу.

– Мама подарила тебе свой жемчуг, – произнес Джулиан, старательно выводя узор между моими лопатками. – А я решил подарить тебе эскиз.

– Эскиз?

– Для нашей будущей татуировки. Ты ведь не передумала отправиться в тату-салон в день совершеннолетия?

Я сдавленно хихикнула в рукав свитера, заглушая печаль.

– Только не говори, что ты заколдовал перо... Рэйчел убьет нас.

Джулиан усмехнулся, спрятав голову под моим свитером и сосредоточенно мыча за работой.

– Да это просто черная хна. Смоется к концу недели. Надеюсь, тебе понравится... Готова узреть шедевр?

Сказав мне не опускать свитер еще минимум десять минут, чтобы краска успела высохнуть, Джулиан накрыл ладонью мой затылок. Вместе с той неуместной нежностью, что он испытывал ко мне и не мог вытолкнуть из своих мыслей даже во время сеанса телепатии, меня прошило потоком его сознания, а затем – пришло видение. Я буквально смотрела его глазами на собственную обнаженную спину с торчащими лопатками, между которыми был выведен ровный круг с витиеватыми лучами – ацтекское солнце, разделенное пополам прямой линией.

– Хм, правая часть вышла ровнее, – прокомментировала я.

Джулиан рассмеялся, и я почувствовала быстрый поцелуй, опустившийся на мою открытую шею, но задумалась, не померещился ли он мне.

– Да, но вообще-то половины должны были выйти одинаковыми, потому что олицетворяют нас с тобой. Мы ведь тоже одинаковые и неотделимые, верно?

– Разумеется, Джулиан, – улыбнулась я, аккуратно опуская свитер обратно. – Не думаю, что у нас в принципе есть выбор. Ты ведь мой брат-близнец, как может быть иначе?

– Никогда не думала, что скажу это, но... – я вдохнула полной грудью, потягиваясь после пробуждения. – Давай по-болтаем о чем-нибудь.

Прошла целая ночь, прежде чем молчание все-таки стало действовать мне на нервы, как и заезженная пластинка песен Бритни Спирс, которую Коул одержимо ставил на повтор снова, снова и снова. Рыжий клубок на моих коленях выпустил острые коготки, разминая лапы на моем драгоценном платье. Я уже давно перестала чувствовать ноги, пока сидела, привалившись боком к окну и выпав из реальности на целых одиннадцать часов.

Теперь же, растирая покрасневшие глаза, я выглянула наружу: на стекле сохли следы дождя, который нам все-таки не удалось обогнать. Покрываясь мандариновыми оттенками рассвета, небо наконец-то посветлело, проглотив тускнеющие звезды.

– Поболтаем? – воодушевился Коул, и я тут же возненавидела себя за это поспешное предложение. – Отлично! Я как раз вспомнил...

– Чур, я первая! – перебила я, перекидывая Штруделя на задние сиденья и разминая спину. – У меня тоже есть вопросы, детектив. Итак, вопрос первый: куда мы так несемся, что едем всю ночь без перерыва? Вопрос второй: как ты до сих

пор не угробил нас, бодрствуя больше суток и даже не зевая? На каких колесах ты сидишь?

– Это уже три вопроса, – заметил Коул, жуя губы, которым бы точно не повредил увлажняющий бальзам. – А что не так с колесами? Это же «Форд Рейнджер».

Я открыла рот, но так ничего и не сказала, смирившись, что у косноязычного Коула Гастингса колоссальные проблемы с метафорами и жаргонизмами.

– Ладно, проехали. А что насчет ночлега? – я проводила тоскливым взглядом удаляющуюся вывеску, обещающую в паре миль отсюда уютную гостиницу. – Нам бы обоим не помешал отдых. Да и душ тоже...

В машине пахло очень приятно, в частности из открытого термоса, наполненного крепким черным чаем. Штаны Коула были усыпаны жареной картошкой: он жевал ее, пока вел машину, умудряясь при этом не врезаться в какой-нибудь столб. Кончики его пальцев еще блестели от соли, как и усы Штруделя, которого он тоже угостил. Теперь вопросы к необъятному весу кота отпали сами собой.

– Пару дней назад кто-то украл у меня две тысячи долларов, – напомнил Коул, не смотревший на меня, кажется, с первой минуты нашего путешествия. – Это означает, что у меня нет денег даже на номер в гостинице, и, смею предположить, у тебя их тоже нет. Зато к утру будем уже в городе! Как удачно, что по долгу службы я давно обзавелся хронической бессонницей.

Я сняла фетровую шляпу, распуская волосы, и задрала ноги на бардачок. Коул неодобрительно покосился, но промолчал. В конце концов, едва ли я могла навести в машине больше грязи, чем здесь уже было.

– Теперь я, – спохватился Коул, убавляя громкость на магнитоле до минимума. – Почему ты постоянно выбираешь огонь?

Мои ноги соскользнули с панели обратно вниз.

– А почему ты любишь Бритни Спирс? – съязвила я в ответ.

– Нет-нет, сейчас мой черед спрашивать...

– Тогда поясни.

– Вокруг тебя вечно приходится все тушить, – сказал Коул, буравя взглядом пустое шоссе. – Я немного побродил по Новому Орлеану после того, как узнал, что ты сбежала из участка. Оказывается, в тот же вечер сгорела кухня в кафе, где я дважды завтракал...

– Фу, ты там завтракал? Ужасно безвкусная забегаловка!

– А поблизости неожиданно воспламенился комиссионный магазин. Его давно продали с молотка на аукционе и забросили, но все же... Стажеру-полицейскому, кстати, ты тоже внушила, что все вот-вот сгорит. У тебя пиромания?

– Нет, – заартачилась я, но быстро сдалась: – То есть да. Огонь дарит тепло, а тепло все любят.

– Сжечь людей заживо – не лучший способ подарить им тепло.

Я вздохнула.

– Стихия огня – самая простая для вызова. Достаточно очень сильно разозлиться.

– Разозлиться? – переспросил Коул.

– В каждой эмоции, что мы испытываем, можно найти отголосок природы. Магия заключена в наших чувствах, – объяснила я. – Водой проще всего управлять, когда ты испытываешь грусть, а воздухом – когда веселишься. Земля же – это умиротворение, спокойствие. Огонь – ярость.

– Как же много в тебе ярости!

Я вопросительно посмотрела на Коула, приняв это за нелепую попытку сострить, но он остался серьезным. Тогда я фыркнула, но на языке вертелись слова, которые я очень постаралась не прокричать ему в лицо: «Да, ты прав. Я постоянно зла, и это сводит меня с ума».

– А как обстоят дела с остальными стихиями? – продолжил интересоваться Коул, стуча пальцами по рулю. – Ты не похожа на человека, который умеет радоваться. Полагаю, стихия воздуха тебе вообще незнакома?

А вот это уже была шутка, пускай голос Коула и оставался таким же бесцветным, как всегда. Это не помешало мне оценить замечание и криво улыбнуться, испытав даже толику гордости за его чувство юмора, прорезающееся, как зубки у ребенка.

– Незнакома, – призналась я. – Как и земля. Я умею использовать лишь воду и огонь. Остальному не было времени

научиться.

– А чему еще может научиться ведьма? Гаданиям, например?

– Гадания не считаются за способность, иначе ты бы уже давно был ведьмой, – ухмыльнулась я. – Гадания – это инструмент. Они доступны каждому, кто умеет прислушиваться к себе и знамениям вокруг. Точно так же дела обстоят и с зельями, и с вызовом демонов или духов... Истинная же магия являет себя в восьми дарах. Я пока владею тремя.

– Расскажи.

Обреченная, я примерила на себя роль Рэйчел, которой в свое время пришлось вытерпеть немало моих дотошных расспросов.

– Восемь направлений по градации от простого и распространенного к сложному и редкому. – И, принявшись загибать пальцы, я перечислила на одном дыхании, словно буквы алфавита: – *Стихии*, включающие в себя четыре элемента. *Метаморфоз* – трансформация окружающей материи или своей собственной. *Психокинез*, который можно развить до навыка телепортации. *Ментальность* – иллюзии, внушение или телепатия. *Прорицание*, которое чаще всего приходит в форме вещих снов. *Некромантия*, позволяющая общаться с душами умерших. *Исцеление* – как регенерация, так и врачевание. Последним является *сотворение* – написание заклинаний или ритуалов.

– И что именно из этого умеешь ты?

– Я освоила ментальность, но не на все ее проявления мне хватает сил. Стихии, как ты уже понял, я тоже контролирую не до конца. С блеском мне дается только метаморфоз, это да, но вот какой-нибудь рысью я становиться еще не пробовала, – начала задумчиво перебирать я, невольно катая между пальцами жемчужины ожерелья, прячущегося под шарфом. Заметив озадаченное лицо Коула, я усмехнулась. – Метаморфоз, если освоить его в совершенстве, предполагает оборотничество.

Мне вдруг понравилось делиться чем-то, что прежде я принимала за обыденность. Оказывается, очевидное для меня может звучать крайне дико для другого. Я все больше убеждалась в феноменальной разнице между мной и Коулом по мере того, как яснее читалось удивление на его лице.

– Каждая ведьма рождается со склонностью к одному или нескольким дарам, – продолжила я. – Задатки начинают проявляться еще в детстве. Если у ведьмы, например, склонность к одной лишь ментальности, другие дары для нее недоступны. Ей придется обратиться за помощью к более способным ведьмам или колдовать вместе с ковенom. Конечно, есть и «серые» практики, общие, которые не привязаны ни к одному из даров, а потому использовать их может каждый...

– Постой, – Коул немного притормозил, и я почувствовала что-то опасное, чем мог для меня обернуться его детективный талант. – А почему ведьма не может освоить все восемь даров сразу? Ты же сказала, что владеешь *пока* лишь тремя

из них. Значит, ты намерена изучать и остальные, нет?

Я замолчала, прикусив язык, пока не почувствовала медного привкуса во рту, в наказание за болтливость, и уклончиво ответила:

– Только Верховной – ведьме, что стоит над другими ведьмами – по зубам овладеть всеми восемью направлениями. У среднестатистических ведьм способностей хватает на изучение двух или трех. Максимум – четыре при должном старании. Дар сотворения же и вовсе табу.

– Почему?

– Для того чтобы создавать новые порядки в магии, нужно быть ее источником, а источник – это Верховные. Считается, что это и делает их не только всесильными, но в некотором роде и бессмертными – они навечно будут жить в том, что оставят в память о себе в гримуаре – Книге заклинаний. Такая имеется у каждого ковена со дня его основания. Каждый гримуар уникален, как и каждая Верховная, которая пополняет его новыми заклинаниями на протяжении жизни.

Коул благодарно кивнул и снова сосредоточился на дороге, но ставить на повтор трек Бритни Спирс, благо, не спешил. Похоже, я подкинула ему пищу для раздумий, потому что он затих. В повисшей тишине можно было расслышать сопение Штруделя, задушенного своими складочками жира.

– Верховные ведьмы, – заговорил Коул через какое-то время, когда свежие знания улеглись и жажда расспросить о чем-нибудь еще вернулась с удвоенной силой. – Кто они?

– Наследницы по крови. Чаще всего одна из дочерей, но, если Верховная остается бездетной, это может быть ее племянница или кузина.

– Верховной может стать только женщина?

– Как правило, да. Мужчины среди Верховных встречаются редко. Ни один колдун не способен превзойти ведьму. Природа магии – природа женская. Хотя где-то гендерное преимущество испокон веков остается за нами, – повеселелась.

– А если вернуться к теме о дарах... – Коул вдруг замаялся. – Ты, случайно, не настроена освоить что-нибудь еще? Что-нибудь новенькое... Вдруг все-таки получится. Мне бы пригодилась знакомая некромантка.

Я почуяла подвох, молча дожидаясь каких-то подробностей, и наконец махнула рукой, чтобы Коул объяснил свои странные пожелания.

– Ну, я просто подумал, что некромантия – очень полезная штука, – начал он издали. – Если бы можно было общаться с душами убитых жертв, это бы сильно продвинуло меня в том деле, с которым я к тебе обратился...

– Я, кстати, не отказалась бы узнать подробности этого дела.

– Позже, – категорично отрезал Коул и прочистил горло. – Так ты могла бы научиться некромантии для меня?

– Это займет годы. К тому же меня нет гримуара, – пожала плечами, впервые испытав от этого облегчение. – И нет

того, кто был бы знаком с некромантией. Мне попросту не у кого учиться. Ковены не обучают чужаков.

– Но у тебя ведь когда-то был свой ковен... Да?

Я напряглась.

– Нельзя обратиться к нему? – и, по моему взгляду поняв, что нельзя, Коул стушевался. – Ну, а к кому-то другому? Неужели у тебя совсем нет друзей?

– Угадай! Я одна по стране катаюсь не забавы ради, – огрызнулась я, испытываю то пограничное состояние между гневом и болью, от которого всегда повышалась температура тела, но опасное не для меня, а для окружающих. – У меня никого нет, Коул. Никого.

Я не хотела говорить об этом. Хотя у Коула совсем не было чувства такта, в этот раз он справился с блеском: деликатно оставил свой допрос с пристрастием и отхлебнул немного крепкого чая из термосной крышки, предложив и мне.

Я сделала глоток, наслаждаясь терпким чабрецом.

– Спасибо за пальто.

Коул удивленно взглянул на меня, и я улыбнулась, демонстративно поправляя растянутые рукава, в которые часто прятала руки, чтобы согреться. Непомерно длинное, но наверняка подходящее Коулу как раз впору, пальто вдруг обрело для меня значение гораздо большее, чем я хотела бы признавать. Доброта. Милосердие. Забота. Когда до встречи с Коулом я сталкивалась с чем-либо подобным в последний раз?

Он покачал головой, пряча от меня изгиб рта, похожий на ответную улыбку.

– Ты была мокрой до нитки и напомнила мне Штруделя, когда я вытащил его из подвала котенком. Оставь пальто себе. – И, замолчав надолго, так что я решила снова заснуть, Коул вдруг прошептал: – Родители умерли, когда мне было четыре.

Эта фраза должна была прозвучать тоскливо и горько, но прозвучала... понимающе. Мы с Коулом переглянулись и замолчали. Он сосредоточился на дороге и приторном чае, от пары кружек которого мог запросто развиться сахарный диабет, а я – дремала, внезапно осознав, что за всю дорогу ни разу не подумала о брате и том ужасе, что душил меня в течение пяти лет, а теперь вдруг ослаб.

– Я могу повести, если хочешь, – предложила я, не доверяя неизменной бодрости Коула.

– Нет, не хочу. За те две минуты, что ты провела за рулем моей машины, ты успела протаранить чужой фургон.

– С кем не бывает, – цокнула языком я. – Сунуть несколько баксов под дворники – и нет проблем!

– Я и сунул, – парировал Коул раздраженно. – И не «несколько», а восемьдесят. После таких трат я принципиально тебя за руль не пущу!

Справедливо.

– Следующая остановка Бёрлингтон! – объявил он спустя несколько часов после того, как мы перекусили хот-догами

на обочине, а песня «*Oops!.. I Did It Again*», стоящая у Коула на повторе, была выучена мной наизусть.

Отражая солнечный свет, его глаза приобрели медовый оттенок и полыхали, напоминая мне о крыльях огненных фениксов из детских сказок. Возрождение и бесконечность – такое же волшебство я чувствовала в Коуле, беззастенчиво любясь им все время, пока впереди не замаячили вершины Зеленых гор.

Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь, как от приступа астмы. Холод вод, накатывающий в ознобе и уносящий тревоги прочь. Глубина, где до дна не добраться, даже нырнув с аквалангом. Первобытная необузданная лазурь. Магия, которую источало озеро Шамплейн и которая захлестнула меня, будто я окунулась в него с головой.

Моя семья решила поселиться здесь неспроста: каждый ковен располагается на пересечении лей-линий или природной аномалии. Такие места нельзя подчинить, но им можно подчиниться. В обмен на послушание оно отдаст тебе себя целиком – силу, потерю которой ты осязаешь каждой клеточкой своего тела, если отделишься слишком далеко от родного края. Ведьма нигде не чувствует себя лучше, чем там, где родилась.

От вод, в которых родилась.

– Все в порядке? – осторожно спросил Коул, когда я почти перелезла на бардачок, высматривая впереди озеро.

– Ага, – промычала я, с трудом успокаивая сердцебиение,

усиливающееся по мере того, как мы приближались к городу. – А ты живешь прямо возле Шамплейн, верно?

Коул свернул на светофоре, петляя меж узкими улочками, заставленными скамьями и фонтанами.

– Да, практически на побережье.

– Значит, осталось две мили, – простонала я облегченно. – Прекрасно! Ноги совсем затекли.

Он взглянул на меня, нахмурившись.

– Ты уже бывала здесь?

– Нет. Это... Ведьмовской компас включился, не парься. Чую, что нам направо.

Коул восхищенно хмыкнул и действительно свернул вправо.

Мы проехали пару кварталов, в просвете между которыми я разглядела широкую пешеходную улицу, вдоль которой простирались сувенирные магазинчики и пекарни.

– Это Чёрч-стрит, – заговорил Коул, заметив, в какую сторону повернулась моя голова. – Здесь летом всегда полно туристов, особенно в период фестивалей. Хорошо, что городское авиашоу кончилось вчера. Обычно мне приходится всю неделю спать, зажимая голову под подушкой. Кстати, об этом... Я люто ненавижу шум!

– Значит, тебе снова не повезло, – ухмыльнулась я и постучала по футляру со скрипкой, поверх которого спал Штрудель.

Коул вздохнул.

– Ну, это хотя бы не барабан.

Мы проехали центральную площадь, и я залюбовалась высокой часовой башней, отбрасывающей тень на примостившуюся рядом церквушку. Из-за нескончаемых путешествий я, привыкшая к крупным городам, чувствовала себя неудобно вне окружения стеклянных высоток и башен. А пока мы с Коулом объезжали город, нам не встретилось ни одной такой: все постройки умещались максимум в пять этажей.

– Господи! – воскликнула я испуганно. – Кажется, я в Твин Пиксе¹.

– Бёрлингтон – крупнейший город штата Вермонт, – оскорбился Коул.

– Ты ведь в курсе, что Вермонт – самый крошечный штат США? Так что по его меркам Бёрлингтон несомненно целый Нью-Йорк! Но вообще-то...

Коул нахохлился, сжав руль. Интересно, сколько мы сможем прожить вместе, не убив друг друга?

– Неподалеку главный университет штата, – сменил тему он, отвлекшись на группу ушлых юнцов, переходящих дорогу в неположенном месте наперерез нашему джипу. – По выходным все бары забиты студентами. Большинство из них регулярно попадает в участок за потасовки или мелкие кражи, так что ты быстро вольешься.

Настал мой черед оскорбляться.

¹ Твин Пикс – захолустный паранормальный город в одноименном американском телесериале. (Здесь и далее прим. автора.)

– Обещаю, если мне вдруг приспичит что-то украсть, я сделаю это так, что из нас двоих заподозрят сначала тебя, – буркнула я.

Штрудель за моей спиной многозначительно мякнул, и Коул снова изобразил что-то, отдаленно напоминающее веселье.

– Эй! Я могу принять любой облик, если захочу... Ладно, чтобы удерживать его больше двух минут, нужна недюжинная сноровка, – капитулировала я. – Это так же сложно, как стоять на руках. А ты когда-нибудь пробовал не только стоять на руках, но еще и пройти на них по торговому центру? Вот-вот!

Коул скептически сощурился.

– Что-то мне подсказывает, ты просто...

– Не самая одаренная ведьма? – догадалась я, отвернувшись. – Да, знаю.

– Не самая опытная, – поправил меня Коул без промедления. – Пока что. Всему свое время.

Спустя милоу наша машина припарковалась у кирпичного дома. Распахнув дверцу, я тут же окунулась в озерный вихрь, подхвативший и едва не унесший мою фетровую шляпку. С упоением втянув в себя знакомый воздух, пропитанный запахом мокрой древесины, я уже свесила из машины ноги, когда Коул вызывающе кашлянул.

Я закатила глаза, оборачиваясь.

– Что еще?

– Больше никаких пожаров, Одри, – предупредил он строго, заглушив мотор и сложив руки на руле. – Бёрлингтону и так в последнее время тяжело приходится. Договорились?

Я примирительно кивнула, едва удержавшись, чтобы не сказать, что без пожаров в такой унылой дыре будет слишком скучно. Коул перетащил через спящего Штруделя мои вещи и двинулся к багажнику.

Раз пирог. Два пирог. Три пирог...

Двадцать яблочных пирогов.

– Ты совсем не готовишь дома, да? – спросила я, наблюдая, как Коул волочит по лестнице коробки, доставая на ходу ключи. – У тебя что, аллергия на нормальную пищу?

Но истина оказалась куда прозаичнее.

– Я не умею готовить.

– И следить за своим желудком, видимо, тоже.

– Штрудель любит яблоки...

– Ты пирогом и кота кормишь?!

– Мы регулярно посещаем ветеринара! Все, перестань, не тебе нотации мне читать.

Я закатила глаза и помогла ему открыть дверь. Таща коробки с пирогами, мы ввалились внутрь. Между ног юркнул Штрудель, устремившись на свою лежанку у фикуса. Пока Коул пытался уместить все коробки в холодильник и заносил вещи, я скинула рюкзак на диван в гостиной и принялась осматриваться.

Это было...

– Вау, – вырвалось у меня уже не в первый раз после знакомства с Коулом.

Его квартира располагалась на последнем этаже, отчего крыша в некоторых местах наклонялась, срезая часть пространства. Это придавало особый шарм и ванной комнате, выложенной коралловой плиткой, и спальне, раскрашенной в черно-белые тона, будто комната из нуарного детектива. Над гигантской кроватью крепился проектор, а над рабочим столом Коула – экранное полотно. Слева, загораживая проход на балкон, стоял книжный шкаф и пробковая доска, пестрящая документальными сводками, вырезками из газет и желтыми стикерами. Картин у Коула тоже была масса: развешенные по всем стенам от кухни до туалета, они варьировались от классического натюрморта до современного арт-деко. Несмотря на это гамма цветов в квартире ограничивалась сочетанием древесно-черного с васильковым или зеленым. Ничего не резало глаз и не казалось лишним – полная гармония минимализма. Атмосфера абсолютной чистоты и порядка, которую Коул, судя по всему, педантично соблюдал везде, кроме своей машины.

Я выглянула в окно, раздвинув жалюзи, и увидела голубой залив: на него выходили все комнаты в квартире. Куда ни посмотри – озеро Шамплейн; куда ни посмотри – мое прошлое.

Я почувствовала покалывание магии и прикрыла глаза в эйфории. Моя неуверенность в себе испарилась по щелчку пальцев, как испарился и страх – вот чего мне не хватало,

чтобы наконец-то позволить себе стать Верховной. Мне не хватало моего дома.

– Знаешь, Коул, – улыбнулась я, замороженная и почти признавшая мысль, что готова свершить свое предназначение. – Возможно, я бы смогла попробовать некромантию, если только...

Мой голос заглушил храп. Не успев разуться и снять куртку, обессиленный Коул распластался на диване. Он буквально потерял сознание от недосыпа, чудом упав лицом в подушки, а не на пол. Счастливчик.

– «Располагайся, Одри, – сказала я, подражая его голосу. – Чувствуй себя как дома!»

Я закрыла распахнутую настежь входную дверь и, убедившись, что все упаковки с яблочными пирогами утрамбованы в морозилке, предпочла закрыть ее, в надежде больше не открывать, чтобы все это лавиной не хлынуло наружу. Не без усилий вытянув рюкзак из-под Коула, я порылась в своей одежде и по-хозяйски закинула в стиральную машину все грязное, найдя свежим лишь изумрудный кашемировый свитер и кожаные брюки из чикагского массмаркета.

Пенная ванна с шоколадной бомбочкой – однозначно самая роскошная компенсация, какая только может быть после того, как тебя пытались убить.

Я плескалась в пузырящейся мыльной воде почти полтора часа, вытянув ноги на мраморный бортик и попивая вишневый сок за неимением вина. В поисках его я переверну-

ла вверх дном всю квартиру, но нашла только несколько любопытных фотокарточек. На одной из них стоял маленький Коул в полосатом свитере, а рядом с ним – мальчик в такой же одежде, но повыше ростом. В том же шкафчике, где отыскался полупустой фотоальбом, лежал и блокнот с заметками, обложка на котором заметно поистрепалась.

Лениво перелистывая страницы со списками продуктов и напоминаниями забрать вещи из химчистки, в какой-то момент я дошла до того, от чего вишневым сок пошел у меня носом.

– «Отсутствие глазных яблок у жертв», – прочитала я вслух, и даже горячая вода не спасла меня от озноба. – «Оторван язык. Отрублены фаланги пальцев. Предположительное оружие?»

Я остановилась на знаке вопроса, поставленном напротив записей, а затем перелистнула страницу и увидела еще штук двадцать таких же – в углах страниц, на полях, прямо между слов и вместо знаков препинания.

«Не установлено, не установлено, не установлено».

– Дакота Пирс, девятнадцать лет, – поежилась я, читая. – Эрик Нортмунд, двадцать шесть лет. Карла Сантьяго... Четырнадцать лет! Боже!

Я захлопнула блокнот, не в состоянии осилить следующую запись, написанную красной ручкой и подчеркнутую. Ощувив прилив дурноты, я швырнула заметки на раковину и погрузилась в воду с головой.

И зачем я подписалась на это?

Я выбралась из ванны, покачиваясь, и быстро оделась. Задержавшись перед зеркалом, я провела рукой по запотевшей поверхности, чтобы увидеть собственное лицо, раздумываясь и посвежевшее, без единой родинки или веснушки. Шрам – длинный, серповидный и потускневший – огибал руку ниже локтя и вызывал желание вновь спрятать его под кофтой. Я ощупала лиловое кольцо синяка на заживающем виске. Рэйчел долгие годы запрещала мне краситься в белый, аргументируя это тем, что тогда я буду похожа не на ведьму, а на привидение – светлая кожа сольется с волосами. Однако я все равно сделала это. В обрамлении пепельных локонов, блее которых был разве что снег, серые глаза с кошачьим разрезом выглядели необыкновенно большими – и смотрели с выражением неистребимого испуга, которое мне так хотелось стереть.

Порывшись в ящиках и отыскав ножницы, я подстригла отросшие до лопаток волосы так, что те едва стали доходить до подбородка.

Каждая встреча с братом – новый имидж. Каждая трагедия – опять новый имидж. Чтобы прятаться, не прибегая к закланиям, и чтобы не вспоминать. Решив, что в этот раз одной короткой стрижки недостаточно, я задумалась над утомившим меня цветом.

Клубничная блондинка?.. Нет, походить на легкомысленную барышню я сейчас могла только мечтать. Атомно-би-

рюзовые волосы делали из меня бунтующего подростка. Рыжие – шаблонную ведьму из мультфильмов Хаяо Миядзаки. Черные? Хм, уже было...

– И снова здравствуй, Одри Дефо, – приветствовала я себя, поведя рукой перед зеркалом и возвращая волосам родной и холодный темно-русый цвет. – Я скучала по тебе, девочка.

Видеть себя настоящую – значит признать, кто ты есть на самом деле. Я уже на шаг ближе к этому.

Из гостиной донесся грохот, и, предположив, что Коул упал с дивана, я быстро смела состриженные локоны в корзину для мусора и убрала другие улики, расставив по местам гели для душа.

– Ты что, уже выпался? – удивилась я, выжимая мокрые волосы махровым полотенцем. – Всего три часа прошло.

Коул сидел на полу и апатично озирался по сторонам. Он помолчал еще несколько мгновений, заняв вечно беспокойные руки пледом, то сменяя его, то разглаживая.

– Я приучил свой организм к двухфазовому циклу сна, – наконец заговорил Коул и встряхнул спутанными волосами. – Четыре часа ночью и пара часов днем. А ты как? Отдохнула?

Коул перетаскил на колени свой неразобранный чемодан и, принявшись перебирать аккуратные стопки простеньких хлопковых вещей, посмотрел на меня. Джемпер, который он достал, завис в его руках.

– Чего уставился? – спросила я, когда затянувшаяся пауза вышла за все рамки приличия.

Непосредственность в его темных глазах вытягивала душу не хуже, чем самое остервенелое родовое проклятие.

– Ну? – повысила голос я, вопросительно вздернув брови. Голос никогда его не выдавал, а вот румянец – еще как!

– Ты выглядишь... геометрично, – брякнул Коул.

– Что? – не поняла я. – В смысле, как ромб?

– Нет! Я хотел сказать эстетично, – он зажмурился и хлопнул себя по лбу. – Эстетично, да. Твой образ... конченный. Цельный то есть. Я имею в виду – симпатичная стрижка и... – Поняв, что язык его совсем не слушается, Коул pokrылся пятнами и встал, отряхиваясь. – Я пойду приму душ. Разогреешь пирог?

Ему удалось ускользнуть и запереться в ванной комнате раньше, чем я, придя в себя, захохотала. Умиленная, я двинулась на кухню, где на разделочной доске дремал такой толстый слой пыли, что вывод напрашивался сам собой – Коул в жизни не брался за готовку. Зато все стенки микроволновки были в жиру. Оставалось надеяться, что хотя бы на работе он обедает в худо-бедно сносной столовой.

Я заглянула в холодильник, придирчиво проверяя сроки годности всего, что попадалось под руку. Выбросив половину банок, покрытых плесенью и породивших новую жизнь, я отобрала те продукты, что не грозили нам обоим отравлением, и приступила...

– Паприкаш, – торжественно объявила я и выставила деревянный половник перед лицом Коула, когда он вышел из ванной. – Курица, лук, болгарский перец, чеснок, томатная паста, сметана и, разумеется, сладкая паприка – только и всего. Попробуй!

Коул растерянно принял половник из моих рук и, зачерпнув со дна кастрюли наваристый бульон, осторожно лизнул.

– Паприкаш, – повторил он заглупевшим голосом и зачерпнул еще половник, который мгновенно залил в себя, отчего едва не засвистел, как чайник.

– Эй, полегче, я же еще не постигла дар исцеления! – воскликнула я, выхватывая половник, пока Коул размахивал руками, глотая прохладный воздух. – Я решила поэкспериментировать и бросила туда стручок чили. Как тебе?

– Живительно, – выдавил Коул, поглощая холодное молоко из холодильника. – Вкус просто потрясающий! Не думал, что такая, как ты...

– Умеет готовить? – закончила я и, спрятав болезненную улыбку, отвернувшись к плите, сдвигая кастрюлю на выключенную конфорку. – Я росла в большой семье. По праздникам у нас была традиция собираться на кухне, придумывать полноценное меню на неделю и готовить-готовить-готовить. Ох, как много драк и споров было из-за того, с чем лучше подавать луковый суп – с картофельными крокетами или багетом! – ухмыльнулась я, задумчиво размешивая паприкаш. – Маме вечно приходилось разнимать нас. Мы всему учились

у нее. Так что да, я люблю кулинарию, и именно поэтому можешь забыть о своем яблочном пироге. В следующий раз, когда пойдешь в супермаркет, даже не смотри в его сторону! Где у тебя тарелки?

Я встала на цыпочки, чтобы достать до дверцы кухонного шкафчика, прибитого высоко, почти под самым потолком. Но длинная рука Коула опередила меня, выудив оттуда два глубоких фарфоровых блюда. Я задрала голову и увидела его нависшее надо мной лицо: разница в нашем росте казалась значительнее, чем я думала. Почувствовав себя нелепо, я опустила свои короткие, как у динозаврика, ручонки и проследила за Коулом: он принялся старательно сервировать обеденный стол, складывая салфетки как в ресторане.

Разлив по мискам паприкаш и разложив серебряные приборы, я устроилась напротив Коула и по привычке подогнула под себя ноги.

– Твои родители, – завела я светскую беседу, когда несколько ложек паприкаша уже согрели желудок. – Кем они были?

Коул расплескал пару капель на скатерть.

– Занимались недвижимостью, а что?

– Твоя квартира... – я обвела взглядом кухонный гарнитур из ясеня, который, по моим меркам, стоил бешеных денег. – У тебя очень хорошая квартира, машина и... Твоя щедрость тоже поразительна. Чего стоит одно пренебрежение двумя тысячами долларов! Правда, со стилем у тебя бе-

да для такого солидного состояния, но... — Коул обиженно взглянул на меня. — Детективы так хорошо зарабатывают?

— Нет, не очень, — ответил он сухо, уткнувшись в свою тарелку, но не потеряв аппетит и продолжив поглощать паприкаш. — В основном я живу за счет наследства. Родители хорошо позаботились о моем будущем. Надеюсь, ты интересуешься не для того, чтобы снова меня обокрасть?

Я закашлялась из-за застрявшего в горле перца и скривилась.

— Я карманница, а не домушница. Выносить квартиры слишком уж муторно.

Такой ответ удовлетворил Коула, и мы продолжили обед. В отличие от него, я со своей порцией паприкаша так и не справилась: перед глазами плясали имена жертв, цифры возраста и перечисления кощунственных увечий.

— Я знаю, что это не подходящая беседа для застолья, но...

Я выложила перед Коулом блокнот и пораженно отметила, как невозмутимо он продолжает обедать, перечитывая свои заметки. Похоже, разговоры о расчленении и измывательствах за трапезой были ему привычны.

— Все прочла? — спросил он.

— Не до конца, но мне хватило.

Коул понимающе кивнул и отодвинул опустошенную миску, а затем с тоской покосился на кастрюлю.

— Еще взять можно?

— Конечно! Я ведь готовила на твоей кухне из твоих же

продуктов. Лопай хоть всю кастрюлю! Я все равно никогда не ем одно и то же два дня подряд.

Коул подорвался к плите и, щедро накладывая себе половником паприкаш, наконец-то заговорил о деле:

– В блокноте этого нет, но на телах жертв вырезаны символы.

– Что за символы?

– Не разобрал. Искал в библиотеке и архивах, но без толку. За этим я и поехал в Новый Орлеан, надеялся что-нибудь выяснить. Для людей они незримы.

– В каком смысле?

– Очевидно, символы сокрыты чарами, – пояснил Коул и вернулся за стол, облизывая на ходу деревянный черпак. – Это и убедило меня, что убийства – не просто черная месса религиозных сектантов. Это настоящая магия, раз криминалисты их в упор не видят, даже если носом ткнуть.

Я откинулась на спинку стула, спустив одну ногу на пол и вяло поглаживая лодыжкой Штруделя, мурлыкающего под столом в ожидании объедков.

– Тот колдун вуду тоже не знает, что это за символы?

– Фотографии их не отражают. Я смог только нарисовать, но художник из меня не ахти, – пробормотал Коул, размешивая овощи на дне тарелки. – Эти убийства начались с Нового Орлеана. Я не видел тех жертв, но увечья, по слухам, одинаковые. Пальцы, язык...

– Глаза, – добавила я, сглотнув.

– И черный жемчуг.

– Что?

– В их глазницах оставляют жемчуг, – сказал Коул. – По одной черной жемчужине вместо глазных яблок. Ты не долистала блокнот до той фотографии, где...

– Нет! И слава богу.

Черный жемчуг.

Пальцы схватились за бусы под свитером, и я потерла их, на ощупь угадывая, какие из них еще оставались черными, а какие уже побелели, отражая те дары, что я успела освоить.

– Да, как эти, – указал Коул на мое ожерелье; за размышлениями я и не заметила, что он смотрит на него. – Такие же черные жемчужины. Красивые, кстати.

– Спасибо. Это мамины. Сможешь описать мне, что еще видел на местах преступления? Где происходили убийства?

– В домах у жертв, – понизил голос Коул и поднялся, сгребая грязную посуду в раковину. – Сама скоро увидишь. Мы прямо сейчас туда поедem, – и, не обращая внимания на мой позеленевший вид, подбросил в ладони сотовый телефон с одним входящим сообщением на дисплее. – Как только мы въехали в город, со мной связался напарник. Ночью было совершено еще одно убийство. Я проведу тебя туда, и, если повезет, ты заметишь что-то, чего я, как человек, заметить не сумел. Этот свитер очень дорогой?

Обескураженная, я оглядела свой изумрудный кашемир.

– Лучше переоденься, – поморщился он. – Трупный запах

надолго въедается в одежду... А в память – навсегда.

V. Могилы ведьм

Я сидела как на иголках. Скоро мне предстояло увидеть изувеченный труп, пускай он и был далеко не первым в моей жизни. Внезапно я нашла разгадку привычке Коула тереть в руках бронзовое зеркало: эти компульсивные движения помогали приструнить ошалевший рассудок. Потакая неврозу, я и сама стучала ногтями по жемчужным бусам, пересчитывая – раз, два, три, четыре... Белая, белая, еще белая. Раз, два...

До заката было еще далеко, но с озера уже дул влажный прохладный ветер, неся пожелтевшие листья. На улице кипела жизнь: мопеды неслись на обгон, горожане меланхолично пили кофе у фонтанов, а дорогу перебежали заспанные студенты. В толпе то и дело мелькали яркие значки с символикой клена.

Спустя десять минут Коул припарковался у многоэтажного здания из красного кирпича, будто сошедшего со страниц викторианского романа: остроконечные шпили и угловатая бордовая крыша. Выпрыгнув из машины, я задрала голову к золотой табличке над входом, гласящей: «Женское общежитие университета Вермонта».

– Только не говори, что убили чью-то соседку-оторву, – взмолилась я. – Это же клише всех фильмов ужасов!

Коул вытащил из багажника кобуру и застегнул ее на по-

ясе.

– Да, и мы в главных ролях, – подхватил он, и если дома выражение его лица оттаивало, пропуская хоть какие-то оттенки эмоциональной палитры, то сейчас он вновь сделался непроницаемым, сосредоточившись на работе. – В основном все жертвы – молодые люди в возрасте до двадцати лет. Чаще подростки или, того хуже, дети, – мрачно добавил Коул.

Я сглотнула, припоминая список имен из его блокнота. Мои ладони, спрятанные в карманы штанов, покрылись испариной.

Мы переглянулись у массивных дверей, и я охотно пропустила Гастингса вперед. Внутри светлого просторного коридора возвышалась винтовая лестница, ведущая к спальням, расположенным на пяти этажах. Между спицами хрустальной люстры грациозно порхали бабочки. Я нахмурилась, созерцая полет тропических Морфо Пелеида, которым здесь было не место.

– Кажется, кто-то из студентов прибыл по обмену из Эквадора, – шутливо заметила я и кивнула вверх, невольно вспоминая, как однажды в нашем домашнем инсектарии одна из таких бабочек опустилась маленькой Эмме на нос и просидела там больше часа.

Нехотя отведя взгляд от прекрасного зрелища, я вдохнула чистый воздух, будто запасаясь им перед тем, как вдохнуть нечто отвратительное и едкое, что выучила уже наизусть.

Смрад запекшейся крови и разложения.

– Скажи, если заметишь еще что-нибудь необычное, – тихо сказал Коул, перескакивая ступеньки, из-за чего я едва поспевала за ним, спотыкаясь.

– Само мое присутствие в женском общежитии уже необычно, – хмыкнула я, озираясь по сторонам. – Я бы сказала, даже противоестественно.

– Чего так? Никогда не хотелось связать свою жизнь с наукой? – поддел меня Коул.

– Когда ты владеешь магией, всякая наука обесценивается на ее фоне, – усмехнулась я и, немного подумав, пожала плечами: – К тому же, если бы я и решила поступать куда-нибудь, моя семья точно бы не позволила жить мне в таких условиях.

– Ты крадешь деньги на пропитание, но приходишь из королевского рода? Что-то тут не вяжется.

– В моей жизни многое не вяжется, – вздохнула я, и, когда мое дыхание окончательно сбилось, мы наконец-то поднялись на нужный этаж.

Бархатные торшеры, расставленные по углам, отбрасывали причудливые тени на деревянные панели и двери комнат. Левое крыло, куда завернул Коул, было перекрыто: он остановился перед желтой лентой и, раскрыв полицейский значок дежурному, кивнул на меня. Нас тут же пропустили. Ступая за черту, отделяющую мир убийц от мира беспечных зевак, я оглянулась на правое крыло. Пустое, оно хранило безмолвие, и ни одна любопытная студентка не показыва-

лась там. Все общежитие будто вымерло. Напуганные до полусмерти в первый же день учебного года, студентки наверняка разбежались, заливая стресс чаем с бергамотом в кафетерии кампуса.

– Хочу предупредить, – шепнул Коул мне на ухо, пока мы шли по бесконечному коридору, где громко переговаривались полицейские, делая заметки в планшетах: – Сэм на редкость гнусный тип.

– А?

Я не успела дождаться объяснения, как из опечатанной комнаты нам навстречу вылетел жилистый мужчина побитого, злобного вида, порядком старше Коула.

– Хорошо развлекся, Гастингс, пока мы здесь все пахали сверхурочно?

– Я брал официальный отгул, – парировал Коул едва слышно. – По СМС.

Сэм свел вместе широкие брови – такие же рыжие, как его короткие волосы, – и посмотрел на меня. Взгляд болотных глаз с вкраплениями темного янтаря будто был слит из свинца: меня пригвоздило к полу. Сэм молчал, источая почти осязаемую ненависть.

– Ты притащил с собой подружку? – грубо усмехнулся он. – А мы-то всем отделом ставки делали, голубой ты или нет. Это не место для свиданий, болван!

– Она нужна для расследования, – парировал Коул и придумал легенду для меня быстрее, чем я успела отлепить язык

от нёба: – Талантливый криминалист из Нового Орлеана. Я ездил именно за ней. Личное поручение шефа.

– Криминалистику нынче в старшей школе проходят? – насмешливо прищурился Сэм. – Ей на вид лет семнадцать.

– Я просто молодо выгляжу. Присмотритесь, – вырвалось у меня, а затем я сделала все, что было в моих силах: подмигнула Сэму и нагло отодвинула его в сторону. – А вы, кстати, красавчик.

Мужчина, вопреки своей враждебности, вдруг зарделся и отступил, замычав нам вслед что-то нечленораздельное.

– И впрямь гнусный, – буркнула я, проскочив мимо него и еще долго боясь оглянуться.

– А ты можешь быть душкой, когда захочешь, – присвистнул Коул. – Не думал, что Сэм из тех, с кем такое прокатывает.

– Сама в шоке, – призналась я. – Похоже, очаровывать мужчин – это и впрямь бонус каждой ведьмы. Не зря на протяжении веков именно женщины вызывались бросать нам солому в костер.

Мы вошли в комнату, и Коул осмотрительно прикрыл дверь, чтобы скрыть от бригады копов мое позеленевшее лицо. Его рука легла мне на плечо, и этот жест не произвел бы такого фурора, если бы я давно не поняла, что прикосновения – табу для человека с синдромом Аспергера. Однако его ладонь, теплая и тяжелая, не спешила исчезать с моего плеча. Внутренний дискомфорт Коула выдавали лишь его дро-

жащие губы, но, пристально обводя взглядом комнату, он старался не думать об этом и стоически терпел ради меня.

– Харпер Стоун, – сказал он. – Факультет современного искусства. Ей исполнился двадцать один год позавчера.

Всего лишь еще одна заметка в блокноте Коула, но в реальности – зверство, каких я не видела со времен своего пятнадцатилетия, когда, проснувшись и спустившись вниз, нашла всю свою семью растерзанной. И пускай такое не забывается, но и не закаляет тоже. Сейчас я ужаснулась не меньше, чем в тот роковой день. Я попыталась отшатнуться назад, но рука Коула на моем плече не дала мне этого сделать.

Мы оба смотрели на мертвую девушку. С оливковой кожей и пурпурными волосами, она лежала на постели полностью обнаженной. Руки, покрытые запекшимися ранами, были скрещены на животе. А с подушки на нас смотрели две зияющие черные дыры вместо глаз – *смерть*, которую убийца живописно изобразил блаженным сном. Спящая красавица, которая уже никогда не очнется.

Коул вдохнул ртом, проглотив вместе с запахом, которым в комнате пропитался каждый сантиметр, желание что-то сказать. Я почувствовала смрад еще возле желтой ленты при входе в крыло. По мере приближения к спальне он делался плотнее и кислее.

Желудок подпрыгнул к горлу, и пальцы Коула надавили сильнее на мое плечо.

– Дыши через рот, – посоветовал он. – Я открою окно.

Коул отодвинул шторы, впуская свет, который упал на две кровати и арабский ковер. Ступив на него, я восхитилась насыщенным темно-красным цветом, а спустя миг отскочила в сторону, осознав, что лепестки роз на нем – это вовсе не цветочный узор. А пятна крови, скрывшие его настоящий цвет. Кровь здесь была повсюду.

– Может, съездить за твоим рюкзаком? – осторожно предложил Коул. – За картами Таро. Тогда в кафе они ответили на мои вопросы...

– Боюсь, карты здесь не помогут.

Коул пожал плечами, достал ультрафиолетовый фонарик и блокнот и принялся обходить комнату вдоль плинтусов. Я же постаралась собраться с мыслями, как бы упрямо они ни разбегались, подошла ближе к кровати и чуть-чуть наклонилась.

– Тот же почерк, – раздался голос Коула за моей спиной. Он принялся зачитывать с экрана телефона отчет криминалистов, которые побывали здесь до нас: – «Отсутствие первых фаланг пальцев, глазных яблок, языка. Орудие убийства не обнаружено. Черный жемчуг из глазниц изъят для дальнейшей экспертизы». Присмотрись к знакам, Одри. Говори все, что узнаешь, даже если не уверена наверняка.

Я кивнула, сглатывая, чтобы удержать свой обед внутри. Коротко дыша ртом, как велел Коул, я присмотрелась.

– Телу уже два дня. Его обнаружил курьер цветов. Харпер вернулась в общежитие раньше всех, – продолжил рассказы-

вать Коул. — За две недели до занятий. Отличница... Хотела провести побольше времени с друзьями в Бёрлингтоне. Сама она из Торонто. На этаже никого не было, когда ее убивали. Мы всех опросили, никто ничего не слышал. Соседка Харпер все еще в Бостоне, и, полагаю, теперь она там и останется.

Треугольник над острыми косточками таза. Еще один треугольник — с линией, горизонтально пересекающей его пополам. И еще два аналогичных, только перевернутых. Фигуры, начерченные лезвием от паха девушки до самого пупка.

— Это четвертое убийство за месяц, Одри. Я должен это остановить... Пожалуйста, помоги мне.

Я стараюсь, Коул. Я так сильно стараюсь!

Но все, чем обернулось мое старание, — это привкусом желчи во рту и неконтролируемой рвотой. Я едва успела добежать до раскрытого окна. Шершавые руки Коула неуверенно придерживали мне волосы.

— Сказал же, дыши через рот, — по-учительски заворчал он, и я сердито стукнула его по груди. — Мы можем уйти, если хочешь. Но я был бы благодарен, если бы ты попробовала снова и...

— Элементы.

— Что?

— У нее, твою мать, символы четырех стихий на животе! Элементы: огонь, воздух, вода и земля. Это что, правда настолько сложно?!

Кровавые узоры мигали перед глазами кошмарным видением, от которого я не могла отделаться, даже крепко зажмурив глаза. Приведя себя в чувство и отдышавшись, я обернулась к Коулу, чей длинный силуэт перекрывал вид на хаос, царящий в спальне.

Открыв блокнот, он сделал пометки.

– Еще?

Я обтерла лицо рукавом и вернулась к кровати. На этот раз мне удалось рассматривать тело Харпер дольше, чем жалкие десять секунд. Вдоль ее рук тянулись зигзаги, а вокруг округлых грудей плясали письмена – неизвестный мне язык, отдаленно напоминающий шумерский.

– Не знаю, – сдалась я. – Больше ничего не узнаю. Разве что, может быть, вот это, – я указала пальцем на полукруг, очерчивающий ее коленную чашечку. – Похожим сигилом ведьмы помечают новорожденных детей, чтобы защитить их от фейри, которые, согласно легендам, крадут из колыбелей младенцев. Но если я и права, то выходит бессмыслица... Этот знак – рождение, а не смерть. Приход нового.

Коул хмурился, но записывал – не знаю, что дельного он мог подчерпнуть из моей бессвязной болтовни. Я склонила голову, меняя угол обзора. пышное облако выпустило из плена солнце, и его луч упал на компьютерный стол, заваленный тетрадами и грязными чайными кружками. Между ними стояла глиняная вазочка, расписанная вручную, откуда торчали семь белых бутонов, тянущихся к окну.

Я шагнула туда и, подвинув стопку учебников по экспрессионизму, поддела ногтями глянцевую листовку.

– «Дикие кошки», – прочла я над изображением футбольной команды и датой прошлого матча. – Похоже, Харпер встречалась с футболистом.

– С чего ты взяла?

– Кто-то же отправлял ей букеты, – сказала я, указав на вторую вазу из хрусталя.

Рядом с ней, прямо на подоконнике, лежал третий букет. Очевидно, тот самый, с которым к Харпер приехал курьер, найдя ее мертвой и кинув цветы сюда.

Все цветочные композиции были составлены со вкусом: лиловые астры с пионами и белые лилии с веточками вербены. Атмосфера ледящего ужаса, поглотившая спальню после убийства, задушила их красоту. В сравнении с ошметками плоти на ковре и изуродованным трупом цветы стали совсем непримечательной деталью, которую было так легко упустить.

Я обвела взглядом каждый цветок.

– Целых три букета...

И все они выглядели свежими, будто сорванными накануне. Станные в своей чрезмерной естественности, роскошные, цветущие... Я подошла к вазе, из которой выглядывала крафтовая обертка, и развернула подарочную открытку. Она, с аккуратной мужской подписью, приветствовала Харпер в Бёрлингтоне после летних каникул. Следующий букет,

составленный из хризантем и розовых бусин, подписан не был, но был помят, как если бы Харпер привезла его в машине после свидания. Третий, доставленный сегодня, сопровождало целое письмо. Та же мужская подпись и поздравление с днем рождения, на котором он не смог присутствовать лично из-за приболевшего отца, живущего в Техасе.

– Похоже, она пользовалась популярностью, – озадаченно предположил Коул, пристально следя за мной.

– Все букеты от одного адресата, – покачала головой я. – Майкл Фишер... Он ведь не мог подарить все букеты сразу, верно?

– К чему ты клонишь?

– Все цветы свежие, будто их срезали только утром, хотя лишь один букет из трех был доставлен сегодня.

– Уверен, в Бёрлингтоне можно найти хороших флористов, – пожал Коул плечами. – Или, может, Харпер опрыскивала их удобрениями...

Я недоверчиво нахмурилась и задумчиво погладила пальцами белоснежные лепестки.

– Ты хоть одни живые цветы видел, которые бы не имели никаких признаков увядания, простояв две недели? – спросила я, развернув перед лицом Коула первую открытку. – Прочти. Этот букет Харпер подарили в первый день, как она прилетела из Торонто. Должно быть что-то еще... – И, игнорируя замешательство Коула, я стала бродить по комнате.

«Мама! Все игрушки Джулиана обросли ромашками!»

Я взялась за ручки платяного шкафа и потянула на себя, открывая. Несколько коротких платьев, стопки футболок, полочки с бельем и носками... Ничего примечательного, кроме одного: ворохи змей, кишачие под сложенной одеждой и посыпавшиеся на меня с верхних полок.

Я с визгом отпрыгнула, врезаясь в Коула.

«Рэйчел, помоги! Под моей кроватью змеи! Рэйчел!»

– Что у вас здесь? – крикнул Сэм, врываясь в комнату.

Такого отборного мата мне, пожалуй, не приходилось слышать даже в Детройте.

– Вот же дрянь, – фыркнул Сэм, стряхивая со своего ботинка одну из змей. – Мало того что все здесь кишит пауками, так теперь еще и змеи! Это общежитие точно не проклято? – Плюясь, Сэм снова выругался и попятился к двери. – Эй, Гастингс! Может, проверим на тебе, ядовиты ли они? Возьми их на ручки.

Коул закатил глаза и выставил локоть, не давая мне приблизиться к расплзающемуся змеиному вороху. Ничуть не боясь, он только брезгливо морщился, а затем, когда я нагнулась, попытался оттащить меня подальше, уцепясь за рукав свитера.

– Это ужи, – вздохнула я, вытянув из вазы цветов с толстым стеблем и поддев им змею, отбросила ее обратно в шкаф. – Их здесь штук десять.

– Я вызову службу, – буркнул Сэм, выходя в коридор, и Коул осторожно переступил шипящий клубок.

– Я люблю животных, – сказал он. – Но змей как-то не очень.

Я посмотрела вслед Сэму и выпрямилась, возвращая цветков в вазу.

– Твой напарник упомянул, что здесь водится много пауков...

– Их тоже не люблю. Лучше бы здесь было много кошек. Тонкие, как пергамент, крылышки бабочек с лазурными прожилками, порхающих под потолком. Неувядающие цветы, чувствующие себя в душной и темной комнате лучше, чем в руках самого опытного садовника. Пауки, облюбовавшие стены. Змеи, тянущиеся сюда, как в край нагретых камней.

– Знамения, – поняла я вдруг. – Харпер ведьма.

Коул едва не выронил свой блокнот, а спустя мгновение достал зеркальце. Извернувшись так, чтобы видеть в отражении тело Харпер, он сузил глаза.

– Нет, – решительно опроверг Коул. – Смерть не лишает существ их истинной сути. Я бы увидел...

– Тебе нечего видеть, – сказала я. – Потому что ее магия не успела созреть. Харпер нельзя считать полноценной ведьмой. Каждая из нас переживает своеобразный «переходный возраст», только вместо прыщей мы притягиваем насекомых, животных или растения. Я не раз просыпалась в гусеницах, когда мне было семь. Бр-р!

– Харпер... Как? – Коул поперхнулся. – Ты разве не гово-

рила, что ведьмой нужно родиться?

– Обычно да, – принялась объяснять я. – В норме магия не переходит к смертным, но, если носители вымирают, магия находит тело, имеющее склонность или интерес к ней. Вот почему инквизиция так и не изжила нас окончательно. Охота на ведьм была обречена на провал с самого начала: мы всегда восстанавливаемся, сколько бы ведьм ни истребили. Если численность стремительно падает и наследственных ведьм не остается, то магия переходит к тем, кто начнет новый ведьмовской род. Это круговорот. Магия вечна. Харпер – одна из тех, кто впитал ее в себя после кого-то.

– Очевидно, это плохие новости для тебя, – пробормотал Коул, окончательно сбитый с толку, судя по тому, как он клал своим зеркальцем. – Ведьмы вымирают?

Я затихла и посмотрела в окно, откуда виднелось неприступное серо-голубое озеро.

– Ты когда-нибудь слышал про ковен Шамплеин? – шепотом спросила я и, не дожидаясь ответа, который и так был мне известен, продолжила: – Это вымерший ковен. Они жили недалеко отсюда. Ведьм там полегло много – большая потеря для магии. Похоже, ее излишки перекинулись на Бёрлингтон... Наверняка предыдущие жертвы тоже были ведьмами.

Я посмотрела на Коула и попыталась выдать горький оскал за улыбку.

– Поздравляю, детектив, вы сдвинули дело с мертвой точ-

ки. Эти убийства совершает кто-то, кто видит этот мир таким же, как и мы, — *настоящим*.

Тишина в комнате трещала, как змеи, которые забились под шкаф. Коул молча взирал на карманное зеркальце и блокнот, а я — на тело Харпер. Порезы в причудливых магических формах, которые уже никогда не затянутся... Багровая корка, засохшая вокруг полуоткрытого рта. Откровенная нагота женственных форм, которые еще недавно можно было бы назвать прелестными, как и саму девушку. Ее рвение к прекрасному обернулось ведьмовством, о котором она, вероятно, даже не подозревала, как не подозревала, что за магию тебя могут зверски казнить. Или же это не казнь, а ритуал? Прав ли Коул? Я все глядела на нее, силясь понять, но что-то ускользало, как одна из тех змей.

Что с тобой сделали, Харпер, и зачем?

Порог комнаты заскрипел, и Коул быстро спрятал блокнот за пазуху.

— Надеюсь, не забыл перерисовать в блокнот свои мифические рисунки, шизик? Мы с ребятами все еще подумываем, чтобы подать жалобу на нашего штатного психиатра. Плохо он тебя тестирует, — Сэм загоготал, высунулся из комнаты и махнул рукой в коридор: — Эй, парни, можете уносить! Наш бравый детектив закончил.

Я смерила Сэма уничижительным взглядом и вдруг заметила, как сильно он уступает Коулу в росте. Впрочем, как и многие другие: чтобы войти в спальню Харпер, Коулу даже

пришлось пригнуться.

— После первого убийства я случайно проболтался Сэму, что было бы неплохо сфотографировать знаки на телах жертвы и отправить их на экспертизу... — прошептал Коул мне на ухо, даже не насупившись из-за издевок, которые, судя по всему, были ему привычны. — Откуда мне было знать, что они зачарованы и их вижу только я один? С тех пор несколько человек перестали со мной обедать.

— Не велика потеря, — приободрила Коула я, глядя Сэму вслед. — Теперь тебе есть с кем обедать. Если ты, конечно, согласен эти обеды оплачивать.

Я расценила мычание Коула как согласие и отошла в сторону, пропуская вперед двух крепких мужчин в спецовках и плотных резиновых перчатках. Один из них схватил Харпер за тощие лодыжки, и я поморщилась, сочувствуя их неблагодарной работе.

Вдруг раздался вопль: один из мужчин отдернул покрывало, свернутое в ногах Харпер, и тем самым потревожил упитанную змею, дремлющую под ее босыми ступнями. Это был уже не обыкновенный уж, а клыкастая гадюка. Узнав ее, мужчина испуганно уронил приподнятое тело. Труп Харпер скатился с края постели и, стянув следом за собой простынь, увешанную пауками, опрокинулся на пол.

Ее тело распласталось у моих ног, лицом в арабском ковре, так что моему взору открылась спина. Вдоль нее, до самой шеи, скрытой ядерно-розовыми волосами, тянулся круг.

Вырезанный на плоти так глубоко, что в надрезах просвечивали костяные позвонки, он все еще кровоточил, что было физически невозможно.

«Половины должны быть одинаковыми, потому что они составляют нас с тобой. Мы такие же одинаковые и неотделимые, верно?»

Ацтекское солнце, увитое зигзагообразными лучами и разделенное на две половины, – татуировка, которую нарисовал для нас Джулиан, теперь красовалась на мертвой девушке, как еще одна ритуальная метка.

Убийство было посвящено мне.

– Одри? Одри! Тебе плохо?

В чувство меня привел голос Коула, неподдельно тревожный и мягкий. Он потряс меня за плечи, но очнулась я лишь тогда, когда двое мужчин, отделившись от гадюки с помощью метлы и прикрыв Харпер белой простыней, вынесли ее из комнаты вместе со знаком, вывернувшим мою душу наизнанку.

– Ты узнала символ? – догадался Коул, и его лицо, загоревшееся воодушевлением, нависло надо мной. – Одри, узнала или нет?! Это солнце изображено на каждой из жертв... Из него всегда сочится кровь, даже когда трупам уже неделя. Оно знакомо тебе?

– Понятия не имею, что это такое, – отчеканила я не своим голосом, больше напоминающим треск стекла. – Отвези меня домой.

Коул выпрямился и поджал губы.

– Не могу. Мне нужно поехать в участок, переговорить с боссом и...

– Эй, Сэм, подбросишь меня?

Моя просьба поставила его в тупик. Сэм, занятый разбором документов на планшете, вздернул подбородок и фыркнул.

– С какого перепугу?

– Он подбросит, – согласился за него Коул, бросив на Сэма красноречивый взгляд, и снова повернулся ко мне. Его ладонь опустилась мне на плечо, пытаюсь помочь справиться со страхом, как он уже пытался. Но в этот раз у него ничего не вышло. – Вот ключи от квартиры. Может, в дороге еще что-нибудь вспомнишь. Ты точно в норме? Наверно, это была плохая идея – тащить тебя сюда в первый же день...

– Увидимся вечером, – перебила я, не дослушав, и сжала в заледеневшей ладони металлические ключи с такой же ракушкой, как и на ключах от джипа. Быстро пройдя мимо Сэма, я пронеслась по коридору, едва не порвав желтую ленту. Ноги дрожали и подгибались.

Вот зачем я здесь. Бёрлингтон... Убийства – моя вина?

Я не заметила, как именно оказалась на улице, а спустя пару секунд – в серебристом «Форде», явно выдавшим и лучшие времена. Запах, стоящий в машине, соответствовал склочному характеру ее владельца – солодовый парфюм, ирландский кофе с бурбоном и табак. Сделав на ходу пару за-

тяжек и раздавив тлеющий окурок ботинком, Сэм уселся за руль. Не говоря друг другу ни слова, мы выехали с территории университета. Я отвернулась, не в силах выносить вид отдаляющегося общежития из красного кирпича, которое так быстро поставило точку в еще одном моем путешествии.

Я не хочу этого.

– Ты ведь никакой не криминалист, да?

Я повернула голову, устало глядя на Сэма. Достав из бардачка пачку сигарет и закулив, он приоткрыл окно и выпустил изо рта облако дыма.

– Ты хоть из Нового Орлеана?

Я не ответила, да это было и неважно: у Сэма поистине детективное чутье. Он уже знал, что прав, и переспорить его мне бы не удалось. Поэтому я только глубоко вздохнула и прислонилась лбом к стеклу, чувствуя жар – вернувшаяся простуда или страх? Не различить.

Оставив радио выключенным, Сэм наслаждался звуками оживленных улиц, впуская внутрь аромат уличной еды и фруктов с центрального рынка, мимо которого мы ехали. Я бросила взгляд на руль, поверх которого лежали его руки. Даже манера вождения, быстрая и шальная, выдавала свое-нравность Сэма. Напористый и шероховатый, как его ладони, покрытые мозолями от тренировок. Прямые солнечные лучи, которые шторы в спальне Харпер не пропускали, теперь позволяли мне рассмотреть его во всей красе. Сломанный нос, тонкий шрам поперек губы. Интересно, сколько раз

этому парню расшибали лицо только за то, что он не в состоянии держать язык за зубами? Каноничный плохой коп в кожаной куртке, кроссовках и старых джинсах, с наплечной кобурой, откуда вместе с пистолетом «Глок» выглядывал значок лейтенанта.

Это было бы сексуально, если бы так сильно не выводило из себя.

– Почему вы с Коулом не ладите? – спросила я, чтобы скоротать те десять минут, что оставалось ехать до дома, и чтобы отвлечься от нависшего надо мной ужаса.

Сэм поскреб пальцами многодневную щетину.

– А почему мы должны ладить?

– Вы напарники.

– Это приказ начальства. Будь моя воля, я бы работал один.

– Почему?

– Потому что большинство людей, включая меня, – говнюки, мисс почемучка, – огрызнулся он, но не так сердито, как пытался.

Я почти улыбнулась.

– Давно Коул работает у вас?

– Года три-четыре. Как выпустился из академии, так сразу же перевелся сюда из Северной Каролины. Он что, сам тебе ничего не рассказывает? Странно – встречаться с парнем и ничего не знать о нем, не находишь?

– Мы с Коулом просто друзья, – ответила я и отвернулась,

но, к несчастью, успела заметить в глазах Сэма мужской интерес.

Я скривилась от одной лишь мысли об этом.

– Значит, он все-таки голубой, – усмехнулся Сэм, выворачивая руль вправо. – Знаешь, мне плевать, что ты забыла на месте преступления и откуда появилась в Бёрлингтоне. Главное, не мешайся под ногами, идет? Если Коул считает, что ты можешь нам как-то помочь... Что же, я, конечно, атеист, но от чудес Господних бы не отказался. Лишь бы это дерьмо наконец закончилось.

Шины закрипели, и машина остановилась у знакомого подъезда. Сэм повел бровью, явно сдерживаясь, чтобы не выбросить меня на обочину. Я отстегнула ремень безопасности и замялась.

– Подожди пять минут.

– Что? – Сэм разразился гомерическим хохотом. – Я тебе не таксист, куколка! Уговор был подбросить тебя до дома Коула...

– Мне нужно только забрать свои вещи, а потом я возвращаюсь обратно в Новый Орлеан. Тут совсем недалеко...

– До Нового Орлеана-то?!

– Нет, до Шелберна. Тут совсем близко. Оттуда я сама поеду.

– Автобусный проездной тебе в руки, – отмахнулся он. – Я никуда не...

– Прошу тебя, Сэм! – И, вылетев из машины, я громко

воскликнула, не оглядываясь: – Я быстро, обещаю!

Рассчитывать, что, вернувшись, я застану серебристый «Форд» на месте, было глупо, но что-то подсказывало мне, Сэм никуда не уедет. Саркастичный грубиян, он ничуть не располагал к себе, но даже брань, донесшаяся мне в спину, не отбила у меня уверенности, что я ему понравилась.

Трясущимися руками открыв дверь в квартиру, я влетела внутрь, едва не снеся приветливо мурлыкающего Штруделя. Сборы действительно заняли пять минут: мокрые вещи, вытащенные слипшимся комом из стиральной машины; пара снеков в дорогу, вода, моя скрипка и самое главное...

Прости меня, Коул. Прости, прости, прости!

Я вытряхнула из его джинсов двести долларов, а в шкафу рядом с детскими фотографиями нашла еще сорок. Этого было мало, но лучше, чем ничего. Я сгребла все подчистую, беспощадно и бесстыдно.

Задержавшись у неприбранного обеденного стола, я все-таки вывернула кожаный мешочек с костяными рунами.

– Следующий город, – приказала я им. – Срочно!

Руны посыпались одна за другой. Опасаясь увидеть в сложившейся вязи Бёрлингтон, я думала, что ответа хуже выдать они уже не могут, но ошибалась.

«Коул Гастингс».

– Что?.. Нет! Это совсем не смешно!

Я смахнула руны на пол, но они не изменили своего значения, упав тем же строем.

– Коул Гастингс... – повторила я эхом и затрясла головой. – Я схожу с ума? Вы не... Я не могу остаться с ним! Солнце... Джулиан! Я не хочу больше находиться здесь, слышите?!

«Коул Гастингс».

Коул, Коул, Коул...

Швыряя кубики и пытаясь добиться от них чего-то другого, я задыхалась от подступающей истерики, пока одна из брошенных костей вдруг не прилетела мне в лоб.

– Ауч!

Зажмурившись, я потерла ушибленное место и увидела лишь, как кубики, всколыхнувшись, разлетелись в разные стороны. Я ползала по полу еще несколько минут, складывая их обратно, чтобы подкинуть в последний раз и вдруг обнаружить, что моя настырность лишила руны их силы.

Рассыпавшись на кухонном столе, они больше не складывались ни в одну внятную вязь – просто набор букв, не имеющий смысла.

– Чудесно, – буркнула я себе под нос, завязывая мешочек и возвращая в рюкзак. – Я сломала фамильные кости. Ну и черт с вами! Разберусь по дороге. Сама!

Трусиха. Лгунья. Предательница. Смириться с клеймом воровки – дело несложное, но растаптывать чувства того, кто впервые за столько лет дал мне надежду и крышу над головой, было жестоко даже для меня. Я не настолько плохой человек... Но мелькающие за окнами «Форда» пейзажи полей,

все больше удаляющих меня от Бёрлингтона, убеждали в обратном.

– Мне все еще глубоко плевать на тебя, но... – вдруг заговорил Сэм, облокотившись о руль и развернувшись ко мне всем корпусом, когда остановился на автостраде у вывески Шелберна, как я и просила. – У тебя что-то стряслось?

– Не выдумывай, – ответила я равнодушно, уже выставляя одну ногу из машины.

– Здесь же ничего нет, – недоверчиво заметил Сэм, озираясь. – Мы даже до города не доехали. Тут только лес, фермерские поля и...

– Спасибо, что подвез.

Сэм затих, наблюдая, как я перетаскиваю с заднего сиденья свои вещи. Заметив у него под сиденьем бумажный пакет с несколькими бутылками глинтвейна, я пригрела одну за пазухой, воспользовавшись моментом.

Очень скоро шумная автострада скрылась за одним из холмов, который я обогнула, двигаясь по наитию, как рыба по давно знакомому течению. Невидимая нить вела меня туда, где можно утолить печаль так же, как жажду. Озеро Шамплейн тянулось где-то вдаль, и, пускай видно его еще не было, я ощущала его прохладу на кончиках пальцев. Это придавало мне сил, не позволяя останавливаться даже из-за мысли: «Ты направляешься туда, где все началось. Ты ведь клялась никогда больше не ходить туда!»

С непоколебимой и ничем не объяснимой уверенностью,

что лишь там с моей души спадет тяжкое бремя и все прояснится, я сбежала вниз по склону к заброшенному причалу. Отсюда было рукой подать до родового гнезда. Его стены бы точно исцелили меня, измотанную от нескончаемых путешествий, но здравый смысл еще не настолько покинул меня. Добровольно прийти в место утраты всего, что когда-либо было для меня дорого, казалось таким же самоубийством, как и дальше оставаться в Бёрлингтоне.

Однако причал и встреча со старым другом – не такой уж это и риск.

Скинув рюкзак и рухнув на поваленное дерево, которое принесло в бухту, я откупорила заколкой бутылку глинтвейна.

Уединение на берегу Шамплейн остудило мой пыл не хуже пары глотков из бутылки. Корица, кардамон, гвоздика и апельсиновая цедра – алкоголь обжег с непривычки, и я скривилась, но выпила еще. Раньше утешением для меня становились драгоценные побрякушки, а не выпивка, но сегодня был особый случай. Решиться на то, что я собиралась сделать, трезвой было попросту невозможно.

Я достала мятую салфетку из чикагской пиццерии и исписала ее тем языком, названия которому на свете не было. Закончив, я сложила салфетку в форме самолетика, вспрыгнула на обломок пирса и запустила самолетик в воздух. Он отправился в полет, подхваченный порывом ветра, а затем спикировал в воды Шамплейн.

И ничего не произошло.

Я уселась обратно на дерево и принялась ждать. Бутылка глинтвейна почти опустела, когда туман вдруг за клубился над гладью, похожий на сахарную вату. Гладь Шамплейн скрылась под ним, а затем озеро явило миру нечто поистине прекрасное.

Нимуэ мерцала, залитая янтарем уходящего солнца. Внутри ее тела, сотканного из алмазных волн, резвились маленькие разноцветные рыбки. Она поправила на голове венок, сплетенный из водорослей и полевых цветов, а затем вытянулась, приобретая человеческую форму. Почему все божества, бахвалясь своим превосходством, так ревностно стремятся походить на слабых людей?

– Верховная! – пропела Нимуэ, точно перезвон колокольчиков, и присела в изящном реверансе. Я ответила ей тем же, неуклюже роняя бутылку. – Я узнала твой почерк. Благие времена несут благие вести!

– Не совсем благие, – неохотно огорчила я духа – защитника ковена, и Нимуэ вмиг потускнела от грусти, перестав сиять. – Джулиан еще не повержен. Я просто... оказалась в Бёрлингтоне проездом и вдруг поняла, что не могу уехать, не повидавшись. Кажется, в последний раз мы виделись, когда я приходила сюда вместе с мамой...

Нимуэ поджала губы. Туман над озером сгустился.

– Ох, значит, моя служба не окончена, – скривила она лицо, прекрасное в той же мере, в какой и отталкивающее. –

Бездомные в поисках пристанища без конца бредут сюда, как мотыльки на свет... Хранить твоего гнезда неприкосновенность весело, но вот с последним экземпляром я намучилась. Настырный, он никак не хотел пугаться, все рыская и рыская здесь в поисках того, чего не заслужил! Никто еще не заходил так далеко, но не тревожься, у меня и с ним все получилось.

– Я признательна тебе за защиту дома, Нимуэ, – мягко сказала я. – Без тебя бы особняк давно снесли или разобрали по кусочкам.

– Цены мне нет, это сомнений не потерпит, – расплылась она в самодовольстве, которым никто не славился так, как обитатели воды. – Но неужели ты сюда явилась лишь из тоски по мне? Зачем ты призвала меня на самом деле?

– Я не знаю. Наверно, за поддержкой... А возможно, я пришла за долгожданной расплатой.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Они вырвались раньше, чем я успела их осознать. Направляясь сюда, я и впрямь допускала мысль, что поблизости может разгуливать мой безумный брат. Встретись мы снова, я бы уже не побежала. Я хотела, чтобы все закончилось.

– Ты устала, – догадалась Нимуэ, подплывая ближе, и юбка из водяных щупалец и желтых листьев колыхалась, скрывая отсутствие ног. – Устала от бегства, а не от борьбы. Ты не боролась ни дня своей жизни, а уже хочешь сдаться!

– Да, ты права. Но я больше не могу так жить, Нимуэ! Се-

годня я поняла, что есть вещи гораздо страшнее Джулиана.

– Или ты просто опьянела, – усмехнулась она снисходительно, и взгляд светящихся глаз без зрачков остановился на пустой бутылке. – Так ты пришла сюда, чтобы попрощаться с жизнью? Увы, но жнеца здесь нет. Джулиана не было на берегах Шамплейн ровно столько же, сколько и тебя, моя Верховная.

– Как?

Нимуэ склонила голову вбок и отвлеклась на одинокий пирс из гниющих бревен. От одного ее задумчивого взора мох и водоросли, обвивающие сваи, стали крепнуть и расти.

– Джулиан не приходил к моим водам с тех самых пор, как пришел за Книгой и унес жизнь твоей атташе Рэйчел. Ты можешь хоть сейчас вернуться домой – в его стенах тебе ничего не грозит. Разве что отголоски прошлого, которое моя Верховная предпочла забыть, как и свою природу.

Я рухнула обратно на спиленный ствол, озадаченная.

– Значит, это делает не Джулиан... Ты знаешь, что творится в Бёрлингтоне? – спросила я, пока Нимуэ хихикала и шипела, как морская пена, играясь с рыбками внутри своих запястий. – Уже несколько новоодаренных ведьм погибли. На их телах знаки... Один из них принадлежит Джулиану. Только он мог нарисовать его.

– Джулиана здесь нет, – повторила Нимуэ вкрадчиво, и само озеро затрещало, как и ее терпение. – И я не ведаю о делах земных существ! Прошу, Верховная, не утомляй меня

их бременем.

Я вынужденно кивнула, поднимая взор к потемневшему небу, которому было не до человеческих тягот точно так же, как и Нимуэ. На нем уже проступали звезды, тепло укутанные покрывалом из пушистых облаков.

– Еще вопрос, – снова решила попытать удачу я, кусая губы. – Ты знакома с костяными рунами моей матери?

– Виви? – переспросила Нимуэ, вдруг затихнув и сделавшись матовой, как запотевшее стекло. – Виви... Да, и доселе не родилось ведьмы, что была бы искуснее твоей матери в рунической магии. Те кости, что ты носишь, она собственноручно выточила из останков с моего дна.

– Они могут указывать на людей? Называть имена, а не места...

– Подталкивать тебя к тем, в ком ты нуждаешься? – Нимуэ присмотрелась ко мне. – Разумеется.

– А сломаться они могут? – поинтересовалась я невзначай и внезапно увидела, что Нимуэ, оказывается, отливает не только бирюзовыми и синими цветами, но и красными.

Очевидно, этот цвет не предвещал для меня ничего хорошего.

– Верховная Одри, ты злишь духов, когда не внемлешь им! Могу понять... Нрав твой строптив и невыносим, так что советую найти того, кто рунам подошел. То, должно быть, безумный человек, – Нимуэ вытянула руку и указала тонким, прозрачным пальцем мне на голову. – Прелестная шляпка.

Обвита жемчугом, так похожим на мои слезы... Которые, к слову, все еще черны, как зеницы Талиесина в моменты предсказаний².

Я опустила глаза на ожерелье на своей шее: каждая жемчужина много столетий назад скатилась по щекам Владычицы Озера³ в благодарность за спасение из Британии, где магия вырождалась, нуждаясь в новом доме. Мой ковен даровал его и ей, и себе – *Шамплейн*.

– О великий Мерлин... Столько лет прошло, а ты еще незряча! Да что там... Ты не хочешь прозревать, – прошептала Нимуэ горько. – Три дара из восьми... И не стремишься к большему! Что сказала бы на это Виви?! Ты не собираешься ковен возрождать?

– Не знаю, – сказала я то же, что, кажется, твердила всем постоянно. – Это просто...

– Трусость, – отрезала Нимуэ, круша мое самолюбие. – Ты сказала, что не боишься умирать, так не лучше ли смерть принять, все-таки пытаешься? – Нимуэ странно улыбнулась, и уголки рта ее разошлись шире, чем положено у человека, открывая по-настоящему жуткую картину. Я поежилась, утыкаясь носом в воротник пальто – карамель, чай, пудра... Одежда пахла Коулом.

² Талиесин – бард старой Британии, сын ведьмы и колдун, предсказывающий будущее.

³ Владычица Озера (она же Нимуэ) – персонаж из цикла легенд о короле Артуре.

– Нимуэ... Есть еще кое-что. Я плохо поступила с тем, кто был готов мне помочь.

– Если он и впрямь был готов помочь, то поможет и сейчас. Ты ведь знаешь, как просить прощения? Тем более, если то юноша – это проблема лишь трех слов: «Ох, ты так хорош! Ты так хорош...»

Я невольно хохотнула.

– О да, это прокатывает с любым из них!

Найти язык с самой хранительницей Экскалибура, повидавшей десятки королей и великих колдунов (при этом сгубив почти каждого из них своей одержимой любовью, включая самого Мерлина), – было таинством, редчайшим благословием, и ничто не смело его нарушить... Но нарушило.

Нимуэ едва не распалась на брызги, взвизгнув от заигравшей музыки, как морская сирена. Я дернулась, оглушенная пронзительной мелодией, доносящейся откуда-то из... Меня?

– Чудеса! У тебя в кармане горн? – заворуженно прошептала она, потянувшись к источнику звука – моему вибрирующему пальто, сквозь ткань которого просвечивал голубой свет.

Я сунула руку в дрожащий карман и ощупала угловатые грани смартфона. На дисплее крупными буквами светилось имя – *Сэм Дрейк*.

Я уставилась на телефон, который до этого никогда не видела и который уж точно мне не принадлежал. Пришлось

терпеть свист заводской мелодии, пока имя на дисплее не погасло и не сменилось на уведомление о сообщении, оставленном на автоответчик. Предчувствуя неладное, я все равно не устояла перед соблазном и ткнула пальцем в зеленую кнопку.

– Эй, Гастингс, – раздался прокуренный голос на записи, заглушаемый шумом осеннего ветра. Вероятно, Сэм ехал в своем «Форде» с настежь открытыми окнами. – Не уверен, что мне есть до этого дело, но... Тут твоя ненаглядная криминалистка совсем одурела и потребовала увезти ее из города, если ты вдруг не в курсе событий. Драпанула в какую-то глушь на шестой автостраде под Шелберном. Короче, ты торчишь мне двадцатку за бензин.

Голос замолк, и вместо него открылось главное меню. Телефон Коула, который появился в моем кармане в такой момент, работал исправно и изредка мигал непонятной эмблемой рядом с датчиком батареи. Открыв последнее приложение, я широко распахнула глаза и выругалась.

Карта с включенной геолокацией отслеживала мой маршрут все это время, а над точкой у берега Шамплейн, которой была я, высвечивалась еще одна – другое устройство, подключенное к приложению параллельно. Кто-то стремительно приближался, и было не сложно догадаться, кто именно.

– Черт, – я сжала в руке телефон, превращенный Коулом в орудие слежки и, судя по всему, подброшенный мне в карман незадолго до моего бегства с места преступления. – Иногда

я забываю, что связалась с настоящим детективом.

Нимуэ всколыхнулась, всем своим видом требуя подробностей.

– Коул Гастингс, – озвучила я, вздыхая. – Это имя подсказали мне руны. Слышала что-нибудь о нем? Может, на лодках переговаривались или сам Коул здесь плавал...

Незримое плотно между нами, сотканное из магии и разделяющее два мироздания, вдруг дало брешь от потрясения.

– Коул, – эхом повторила Нимуэ, и гладь ее тела пошла взволнованной рябью. А затем она прокричала его имя чужим голосом, женским и срывающимся, и я испуганно вздрогнула: – *«Где ты, милый?.. Коул! Коул!»* Ох, я так завидовала его матери... Мальчик с кудрявыми волосами цвета цихлид и глазами, как песок из моих глубин. До чего прелестное дитя! Краше младенца Ланселота⁴.

Грудную клетку сперло, и мне, казалось, потребовалась целая вечность, чтобы снова вдохнуть. Описание соответствовало в точности, и сомнений не оставалось.

– Вы уже встречались? – уточнила я, но Нимуэ не слушала меня, резвясь на самом краю берега в меланхоличной ностальгии.

– Красные башмачки. Они утонули первыми. Я позвала его к себе на ручки, и он пошел, доверчивый малыш, – заулыбалась она, обнажая острые, пираньи зубы, прежде скрытые

⁴ Ланселот – рыцарь Круглого стола, похищенный в младенчестве Владычицей Озера и воспитанный ею.

под топазными губами. – Отец нырял за ним снова и снова, а мать сильно плакала, но я не отдала. Слишком красивые дети не должны жить на суше... На суше истинная красота не способна выжить. С годами мальчики портятся, как цветы, – она кивнула на свой увядающий венок, сняв его с головы. – Мужество уродует их. Интересно, он тоже стал уродлив?

– Нет, он весьма красив, – пробормотала я и замотала головой, поймав хитрую ухмылку Нимуэ. – Но это не значит, что надо снова пытаться утащить его под воду!

Нимуэ хихикнула.

– Ты влюблена.

– Да мы познакомились всего два дня назад...

– Бедняжка, – цокнула она языком. – Мне не нужны мужчины, нет. Они сотнями тонут здесь, куда мне их девать? Глупые, как стадные барашки! Не мудрено, что колдовское могущество – почти всегда прерогатива женская. Нет, мне не нужны мужчины! Я хочу иметь дитя... Идеальное, как тот мальчик в красных башмачках.

– Тогда почему ты отпустила его? Раз Коул был твоим идеальным ребенком...

Нимуэ помрачнела, уплотнилась, перестав пропускать сквозь себя свет.

– Я и не отпускала. У меня его отняли.

– Кто?

Нимуэ подняла руки, и озеро всколыхнулось ей навстречу, проводя водяную дорожку вдоль берега, по которой

она могла прогуливаться, пока мы говорили.

— Виви, — ответила Нимуэ, обходя меня по кругу и изредка наклоняясь за мелкими камешками, разбросанными по песку. В ее руках они меняли цвет, мерцая. — Твоя мать умела убеждать, когда хотела защитить. Она уговорила меня вернуть мальчика родителям. До сих пор не могу простить себе, что согласилась. Я так и не нашла никого красивее... У меня могло быть самое прекрасное дитя на свете!

Связь. Она была везде: между прошлым, настоящим и будущим. Она оплетала события тонкой невзрачной паутиной, проложив между ними дорогу из золотого кирпича, по которой мне нужно было просто идти. Насколько же слепой нужно быть, чтобы так долго этого не замечать?

Новый Орлеан. Упрямство рун. Сиэтл, быстро сменившийся на Бёрлингтон. Жертвы, убитые тем, кто знал Джулиана или мыслит, как он. Моя мать, спасшая жизнь Коулу Гастингсу, который теперь мог спасти меня, — мы могли бы спасти друг друга, и для этого было необязательно становиться Верховной ведьмой. Нет... Для этого нужно было всего-то довериться, открыться и попросить.

Прошло больше трех лет с тех пор, как мне доводилось говорить с кем-либо о матери в последний раз, и сейчас это было больно почти физически. Но еще более было слышать хрустящую гальку под размашистыми шагами, ступающими той же тропой с автострады, которой шла я. Нимуэ выглянула из-за моего плеча, любуясь длинным, высоким силуэтом,

пересекающим холм с мигающим устройством в руках.

Связь, которая, наконец, склеила швы моего растерзанного мира, – осталось лишь дожидаться, когда они заживут.

– Спроси Коула Гастингса, почему он никогда не плавает в моем озере, – сказала Нимуэ напоследок, подхваченная приливом и улыбающаяся во весь свой хищный рот. – Однажды, когда ковен возродится, ты снова призовешь меня и расскажешь, помнит ли он нашу с ним встречу или считает, что просто оступился тогда на мосту.

Я кивнула, не глядя, а Коул все приближался, сливаясь со сгущающимся сумраком ночи. Отчего-то мне стало душно и жарко, хотя воздуха на берегу было предостаточно. Я оттянула шелковый шарф, выжидая, когда Коул подойдет достаточно близко, чтобы заговорить с ним.

Бежевая куртка. Всклоченные волосы. Спокойное лицо...
Пылающий тигриный взгляд.

За спиной послышалось прощальное бульканье водоворота. Я обернулась, чтобы убедиться, что осталась одна, но Нимуэ все еще была здесь, явно передумав исчезать. Высунувшись навстречу Коулу, резко затормозившему посреди склона при виде призрачной фигуры, она замурлыкала:

– Одри, да он все еще невинный! Пусть отнюдь и не дитя, но, может...

– Даже не думай, – шикнула я строго.

– Тогда отдай мне свою шляпку. Я заберу или ее, или его. Выбирай.

Нимуэ улыбнулась с хитрым прищуром, и я вдруг поняла, что просто так она не отстанет. Жадная и непредсказуемая, как любое языческое божество, все это время она, оказываясь, любовалась моей жемчужной шляпкой и гадала, как же ее заполучить. И, к сожалению, придумала.

Скрепя сердце я покорно стянула с головы обожаемую шляпку. Ветер тут же подхватил ее и понес по воде к новой владелице, словно игрушечную фрисби.

Нимуэ довольно заурчала, ныряя под воду вместе с моим драгоценным аксессуаром, унося его на дно озера, как и все, что когда-либо приходилось ей по вкусу.

подавив вздох, я обернулась. Оправившись от удивления, Коул наконец подошел, и я приготовилась к допросу, но вместо этого он только сухо изрек:

– Верни телефон.

Меня будто ударили под дых. Потерянная, я тут же позабыла все заготовленные извинения и, сунув руку в карман, протянула Коулу его смартфон.

Вывхватив его у меня, Коул одним нажатием выключил геолокацию.

Мы стояли молча, взирая друг на друга на расстоянии вытянутой руки: Коул смотрел отрешенно и безучастно, а я – пристыженно и жалобно. Впервые в своей никчемной жизни.

– Понятия не имею, зачем сделал это, – заговорил Коул спустя время, по-прежнему держа смартфон в ладони. – Зачем подбросил его тебе. И так было понятно, что ты сбежишь

при первой же возможности, но... Наверно, мне просто надо было удостовериться.

– В чем?

– В том, что для детектива полиции я слишком погано разбираюсь в людях.

– Мне жаль, – это было все, что я смогла из себя выдать, мучась прежде неведомым мне чувством, очень похожим на раскаяние. – Прости меня.

– Удачи тебе, – бросил Коул, разворачиваясь и спеша к холму.

– Коул!

В горле встал ком. Он перегородил путь глупым оправданиям. Я судорожно соображала, пока Коул поднимался все выше, грозя вот-вот окончательно скрыться из вида.

– Хотя нет, знаешь... – он вдруг замер и, простояв так несколько секунд, вернулся назад, отчего я испытала такое сильное облегчение, что чуть не упала. – Я все-таки хочу выслушать хоть какое-то объяснение перед тем, как уеду и вычеркну тебя из своей памяти. Я готов к исповеди. Ну? Ты вроде бы собиралась мне что-то сказать... Или показалось?

В чернильной глубине озера сверкнула женская улыбка из шипастых клыков.

Связь, которой надо было довериться.

– Проще один раз показать, – шепнула я. – Идем за мной.

Связь, которая открыла вечно сокрытое.

Спустя пятнадцать минут мы были на месте. Я бежала по

берегу, опасаясь, что, если буду медлить, Коул передумает и уйдет. Всю дорогу он хмуро следил за мной исподлобья. Слышать тишину, находясь рядом с ним, всегда таким болтливым, было дико. Ускорив шаг, когда впереди зарыбил высокий лес, я поманила его рукой, и он смиренно пошел, но, судя по проступившим желвакам, едва удержался от замечания.

– Там безопасно, – пообещала я, пригибая ветви. – Мы не заблудимся. Это и не... В общем, просто не отставай.

Я бы взяла Коула за руку, если бы только могла – если бы он мог. Не чтобы приободрить его, а чтобы приободрить себя: отодвинув в сторону нужную ветвь и развеяв мираж леса, которого здесь не было вовсе, я едва могла дышать, представ перед фасадом родного дома.

– Ковен Шамплейн, – прошептала я, остановившись перед массивными дверьми, пока Коул исследовал мраморное крыльцо. – Когда-то здесь жило семейство, основавшее его. Восемь детей и мать. Остальные ведьмы жили на пути в Шелберн. Ты, возможно, проезжал мимо... Их дома распродали и перестроили, но поместье осталось нетронутым. Зайдем внутрь?

– По-моему, это плохая идея, – промычал он нерешительно, разглядывая трехэтажный особняк из белого камня, подпертый колоннами и обвитый красным плющом. – К тому же дом заперт...

– Нет, не заперт.

Я приложила ладонь к позолоченной двери в форме полумесяца, и механизм щелкнул, приветствуя хозяйку. Коул пропустил меня, не спеша идти следом, пока в непроглядном мраке холла я не достигла широкой лестницы и не погладила перила.

– *Esperto*.

Дом заскрипел и ожил. Коул отшатнулся, когда стихийный вихрь, пахнувший озоном, словно гроза, откликнулся на мой призыв и смел пыль у него из-под ног. Электричество мигнуло, зажигая увесистую хрустальную люстру. Вихрь добрался и до камина на кухне – огонь вспыхнул, и домашний очаг ковена пробудился.

Я посмотрела на Коула, который за все время не задал ни одного вопроса, что было на него не похоже. Внимательно осматриваясь, он игрался со своим зеркалом, не в силах совладать с нервами, хоть и старался не показывать этого.

– Истребление ковена Шамплейн потрясло весь магический мир, – начала я. – В последний раз настолько масштабный геноцид колдунов случался лишь в Средние века, но даже тогда он не был столь ужасен, как этот. Потому что не может быть ничего страшнее, чем когда ведьм убивает ведьма... Ковен Шамплейн уничтожил один из детей Верховной, истребив все фамильное древо за одну ночь. На тот момент ему было всего пятнадцать лет.

Коул перестал тыкать пальцем в картину с изображением королевы Елизаветы, и ее рама со скрипом накренилась, па-

дая с петель, но Коул вздрогнул вовсе не от грохота.

– Целый ковен убил подросток?!

– Джулиан всегда был крайне одаренным колдуном, но, вероятно, кто-то помогал ему, – выдавила я, проглотив слюну, сделавшуюся вязкой и обжигающей. – Вот здесь, – я обвела рукой раздвоенную лестницу, уходящую вверх к стеклянному куполу оранжереи на крыше. – Семнадцатилетнюю сестру Дебору он повесил на ремне за перила, а старшего брата Маркуса заколол ножом. Вся кухня была в крови... Наверно, и сейчас в крови.

– Одри... – попытался прервать меня Коул, но я замотала головой, понимая, что если замолчу сейчас, то уже не смогу заговорить об этом никогда.

– Чейза, которому на тот момент было двенадцать, он пырнул девять раз в подвале, где тот играл с железной дорогой вместе с Эммой, младше его на год. Эмму, кстати, нашли позже в саду со вспоротым животом. Платье на ней было порвано. Видно, бежала через розы.

– Одри, остановись...

Я пронеслась мимо Коула вверх по лестнице, подгоняемая бурлящим в крови вином, и услышала, как Гастингс догоняет меня. Но я не пыталась скрыться. Я просто хотела показать... И указала ему на распахнутые двери спален: из каждой веяло своим неповторимым духом. Все они были расписаны и обставлены в разных стилях и цветах, но всех их объединяло одно – необитаемость. Покрывала в некоторых до

сих пор были испачканы смертоносным багрянцем.

– Семилетняя Хлоя спала у себя, поэтому ей он подарил самую милосердную смерть – просто задушил во сне подушкой, – выпалила я, не замечая того, как Коул впервые коснулся моей руки, пытаясь схватить за запястье и удержать на месте. – Кабинет с алтарем Верховной находится на чердаке. Она умерла за два года до всего этого, потому кабинет всегда был заперт, но маленький Ноа разучил отпирающее заклятие и часто забирался под стол поиграть с машинкой. Джулиан убил его последним... Приложил виском об угол. Ноа было пять лет.

Коул сжал губы, стоя на лестнице, пока я поворачивалась от одного крыла дома к другому. Невзирая на свои габариты и помпезность, дом дышал уютом: расписанные детьми обои с узорами из ласточек и игривых тушканчиков; самодельные статуэтки из глины; картины, среди которых были как столетние реликвии, так и детские каракули. Даже игрушки остались разбросанными по ковру, забытые на множество лет, – ничего здесь не изменилось с той ночи, когда Рэйчел нашла меня рыдающей в чулане и сумела вытащить нас отсюда.

Почувствовав, что продолжения рассказа и путешествия по дому не осилю, я обошла Коула и спустилась вниз, стараясь не спотыкаться. Оба мы, ступая бесшумно, вернулись в главный зал и остановились под люстрой.

Связь, которая обрекла нас обоих.

Коул уже знал, что я собираюсь сказать. Вдруг утратив всякую сдержанность и хладнокровие, он посмотрел на меня так, что слезы, всегда кажущиеся мне непростительной слабостью, увлажнили глаза, а следом – щеки, подбородок и губы. Сострадание, жалость, милосердие – я не хотела видеть этого в глазах Коула... И не видела. Вместо этого я вдруг встретила то, с чем не сталкивалась никогда раньше, по крайней мере в первозданной форме, а не извращенной – *нежность*.

Так выглядела та самая связь, расставившая все по своим местам.

– Меня зовут Одри Дефо, – произнесла я дрожащим голосом, пытаюсь не зажмуриться и не замолкнуть в самый неподходящий момент. – Я – Верховная ведьма ковена Шамплейн, который истребил мой брат-близнец. Если... Если я овладею всеми восемью дарами, о которых я рассказывала тебе по дороге в Бёрлингтон, то смогу возродить ковен и помочь тебе защитить город. Ты был не прав, – я всхлипнула и заглянула ему в лицо, с удивлением обнаружив, что с момента нашего знакомства Коул Гастингс впервые смотрит мне прямо в глаза, смело и откровенно. – Это не ты должен просить меня остаться, а я тебя, потому что одна я не справлюсь. Если ты дашь мне еще один шанс, я клянусь всегда быть честной с тобой и буду пом... Буду...

Голос сорвался, и я непристойно выругалась, проклиная себя за неконтролируемые рыдания. Раздался шорох ткани,

стук ботинок по плитке – и Коул очутился совсем рядом.

Тяжелая ладонь сжала мое плечо, как и тогда, в университете Вермонта, но в этот раз жест не показался мне вымученным или неестественным – Коул по-настоящему обнимал меня.

– Поехали домой, – сказал он. – Штрудель там, наверно, уже забрался на плиту и умял весь наш паприкаш.

Я шмыгнула носом и пошатнулась от внезапного головокружения – истома и слабость, пришедшие следом за адреналином. Быть честной – мазохистское, но сладкое удовольствие, как и стоять с Коулом лицом к лицу, тыкаясь носом в воротник его куртки.

В конце концов, руны, как и утверждала Рэйчел, никогда не ошибаются.

– Гастингс, – я закусила губу, подбирая слова, когда очаг за нашими спинами угас и двери дома захлопнулись. Зато открылись двери синего джипа, брошенного Коулом у автостреды Шелберна. – Ты девственник?

Тактично не получилось. Он замер, пытаясь включить печку для обогрева, и постарался сделать вид, что вовсе не хочет провалиться сквозь землю и умереть (но хотел).

– Почему ты спрашиваешь?

Я пожала плечами, отвернувшись к окну, где вдоль берега проплывала моя жемчужная шляпка.

– Просто не приближайся к озеру, ладно? Ну, так, на всякий случай.

VI. Секрет крыс

Полицейский участок. Прежде мне доводилось посещать такие места разве что в наручниках, но уж точно не в качестве сотрудника. Обычно здесь пахло свежей типографией и металлом, но порой и кровью, если патрульным не повезло оказаться в заварушке. Переворачивая очередную страницу, я зевнула, кидая третий стаканчик из-под латте в урну.

– Брат, – эхом звучало круглыми днями, и мне оставалось только понимающе молчать, пока Коул переваривал это. – Брат-близнец. Я все пытаюсь понять...

– Не-е, не надо, не пытайся. Моего брата сможет понять только такой же психопат, как и он сам. Так что не дай бог у тебя это получится...

Спустя два часа, после того как мы позавтракали шоколадными хлопьями и прибыли в офис Коула, он поставил на стол картонную коробку с архивами, датированными прошлым десятилетием, и задумчиво прошерстил пальцами картонные папки.

– Ни одного упоминания о семействе Дефо во всем штате, уже не говоря о сводках по поводу массового убийства. Как это возможно?

– Джулиан хорошо позаботился о своей безопасности, – объяснила я. – Чары забвения. Он не хотел, чтобы особняк кому-то продали, а нас разыскивали по всей Америке. Так

что ты ничего не найдешь. Это стерто из человеческой истории.

– А что насчет символа солнца? О нем может что-то найтись в библиотеке? – продолжал наступать Коул, берясь за другую коробку, покрытую толстым слоем пыли.

– Нет! Сказала же, что этот знак придумал Джулиан. Ты меня вообще слушал?!

– Я старался, но те профитроли, что мы купили по дороге, были слишком вкусными. Так, значит, мы ищем твоего брата? Раз он автор знака, то, выходит, и убийства тоже его рук дело...

– Я не уверена. Нимуэ сказала, что Джулиана не было здесь уже много лет. Что-то не сходится...

– Нимуэ? – вырвалось у Коула, и я поняла, что он снова отвлекся. – Ах да, это ты тоже рассказывала... – видимо, мой испепеляющий взгляд сработал на все сто, потому что Коул тут же оставил меня в покое. – Ладно. Сгоняю-ка я за кофе.

А на следующий день он нашел еще сто пятьдесят вопросов, которые можно задать ведьме с «синдромом выжившего». Таская мне каждые полчаса пончики с банановым кремом, чтобы задобрить и разговорить, он по песчинкам выуживал из меня все больше информации, но, благо, границы допустимого нащупал верно: никаких бесед о членах моей семьи и никаких вопросов о моих отношениях с Джулианом. Поэтому, впрочем, любопытство Коула было безобидным и вполне терпимым, особенно если утолять его в обнимку с

очередной упаковкой Dunkin' Donuts.

– Свали!

Жуя пончик и роняя крошки на свежую ориентировку, я подняла глаза и взглянула на покрасневшее лицо Сэма. Он навис надо мной, как туча.

– Ты заняла мой стол. Снова! И весь его изгадила. Что я говорил тебе в прошлый раз?!

– Что «выкинешь меня из окна, если еще хоть раз заставишь мою тощую задницу на своем стуле»? – проблеяла я, с трудом проглотив сахарное тесто. – Не ручаюсь за дословность, но...

Коул вскинул голову, оторвавшись от оцифрованных вырезок из газеты на экране компьютера.

Металлическая табличка с гравировкой «*Детектив С. Дрейк*» на краю стола, по которой Сэм постучал пальцем, напомнила мне, что я здесь действительно лишняя. Однако его стол был загажен и до меня: обертки от конфет, кофейные пятна, памятные безделушки с бейсбольных матчей, листовки с рекламой вьетнамской кухни и пурпурная шелковая лента, надушенная цветочным парфюмом и перевязанная вокруг ножки светильника (интересно, откуда она у него?). В общем, стол Сэма говорил то же, что и горький табачный запах, один вдох которого мог убить лошадь, – «*Держись отсюда подальше, куколка*».

– Держись подальше, куколка, – вторил он своему девизу, и я сдалась, раскручиваясь на стуле, чтобы оттолкнуться от

края стола и докатиться до Коула.

Пересекая зал с характерным «вж-ж-ж», я помахала скривившемуся Сэму и остановилась возле Коула, занятого бумажной работой.

– Слушай, мы тут уже больше двух недель роемся, как навозные жуки...

– А как еще, по-твоему, работают в полиции? – вскинул брови Коул, продолжив изучать базы данных на экране компьютера. – Пересмотрела «Бегущий по лезвию»? Моя работа по большей части – это кропотливый и монотонный труд, нежели захватывающий экшен. Я и так из кожи вон лезу, чтобы прикрыть твое скитание по участку перед начальством и раздобыть тебе хоть какой-нибудь гримуар...

– Гримуар? – удивилась я. – Ты правда думаешь, что Книгу заклинаний можно просто купить на Ebay? – И, судя по тому, что Коул тут же стыдливо свернул вкладку с аукционом, да, именно так он и думал. – Коул! Каждый гримуар уникален, и таким владеет только ковен, а ни один ковен не станет торговать ими в интернете!

– Но есть же и неприкаянные, – пробормотал он сконфуженно. – Даже в Каролине я встречал нескольких. Ведьмы без ковена, как ты...

– Я – не неприкаянная! Неприкаянные – это родившиеся вне ковена или те, что сами выбрали свободу от ковенских уз. Ох, – я почти умилилась растерянности Коула. Винить его за это было бы святотатством: после того, сколько ему

пришлось узнать обо мне и ведьмах, у любого бы мозг задымился. Я начала объяснять заново: – Неприкаянные обучаются магии самостоятельно, но их умения никогда не сравнятся с умениями ковена.

– Так почему бы нам не познакомиться с кем-нибудь из неприкаянных? Вдруг у них все же найдется что-то, чему ты можешь поучиться.

– Искать таких – это как искать иголку в стоге сена. Потребуется заклятие поиска, хотя бы самое примитивное. Вот оно, кстати, в интернете наверняка есть, – предположила я, и тень воодушевления, пробежавшая по лицу Коула, подсказала мне, что этим он и прозанимается остаток дня. – Ты уже общался с Майклом? Парнем Харпер Стоун, который присылал ей букеты. Он может что-нибудь знать, и тогда я бы...

– Нет, не знает, – ответил Коул, тарабаня пальцами по клавиатуре с космической скоростью. – Сэм вызывал его для дачи показаний позавчера, но алиби железное: он действительно был у отца в Техасе, когда Харпер убили. Мы проверили. Зато он сказал кое-что интересное...

– Что именно?

– После того как Харпер вернулась в Бёрлингтон, она стала сама не своя. Жаловалась ему на кошмары, часто звонила посреди ночи. А еще она, оказывается, со школы проводила с подругами «шабаши» и училась викканству по справочникам. Я нашел в ее кошельке визитку эзотерического магазина, – Коул протянул ее мне, золотую до вульгарности. – Тебе

не нужно? Их слоган «Ведьмочкам от ведьмочек»...

– Барахло, – я выбила карточку у него из руки, презрительно фыркнув. – Значит, Харпер увлекалась оккультизмом... Я так и думала. Поэтому магия и выбрала ее в качестве вместилища.

Коул снова ушел с головой в работу, а я, убедившись, что Сэм отправился в отдел криминалистики, тайком вернулась за его стол и тоже закопалась в документах.

И так на протяжении двух недель. Даже вечера мы с Коулом коротали одинаково: скачивали новые серии популярных сериалов, а затем я учила его готовить ирландское рагу или придирчиво читала меню китайского ресторана, чтобы заказать ужин на дом. Этот вечер должен был быть таким же. Коул размял спину и поманил меня рукой, крутя на большом пальце ключи от машины, когда рабочий день подошел к концу. Бумажная волокита утомляла похлеще самых изощренных ритуалов, и глаза у меня загорелись: наконец-то домой!

– Я сейчас, – бросил мне Коул, заметив шефа полиции в конце коридора и жестом веля подождать еще чуть-чуть. – Мистер Миллер! Вы, кажется, хотели меня видеть?

Из прозрачного стеклянного кабинета доносились обрывки фраз, но лишь часть из них касалась моего незаконного присутствия в убийном отделе. То, что я слышала после, было хуже: обвинения и требование найти так называемого «ритуального убийцу», пока за дело не взялось ФБР. Неуди-

вительно, что Коул, покинув стеклянный кабинет, больше не улыбался.

– «Статистика упала с пятидесяти пяти процентов до восемнадцати», бла-бла-бла... – передразнила я голос Миллера, заходя за Коулом в лифт. – Пф, да что он понимает! Ему же невдомек, что убийства-то сверхъестественные.

Моего оптимизма Коул не оценил. Я почувствовала себя виноватой: дав обещание помочь Коулу с расследованием, я в итоге не принесла ни капельки пользы за столько дней. Лишь отвлекала его от работы и налаженного быта. В машине мы ехали молча, а я все вспоминала, что Коул больше всего любит из еды и чем еще я могу поднять ему настроение.

Я успела разуться и дойти до гостиной, когда мой план с настольными играми и домашним яблочным пирогом внезапно рухнул.

– Сколько раз можно просить тебя не разводить такой хаос в ванной?!

– Какой еще хаос? – вздохнула я в ответ, смотря на Коула, выходящего из ванной комнаты с влажным полотенцем на плече после того, как дважды вымыл руки с мылом. – Я всего лишь перелила остатки своего шампуня в новый флакон.

– И поменяла местами крышки! Красная к красной, синяя к синей. Не наоборот! Из-за тебя я мог выдавить на волосы этот твой крем для депиляции.

– Я ведь не трогала этикетки... Просто разные крышки!

– Да, но они разноцветные, и цвета не совпадают с эти-

кетками, – сказал он с таким драматизмом, будто моя ошибка действительно могла стоить ему жизни. – И, прошу тебя, впредь, когда будешь рыться в моих дисках, складывай все на место!

– Да я переложила их на другую полку...

– Зачем?! Порядок, Одри, – процедил Коул, прижав пальцы к вискам. – Я просто хочу, чтобы дома было чисто. Я и так все убираю за тобой...

– Ну прости, а я зато всю нашу одежду глажу! Если бы не я, так и ходил бы, как после аварии на текстильной фабрике. И еще я готовлю каждый день!

– А я тебя об этом не прошу!

– В таком случае в следующий раз давай свои заморозки и не тяни лапы к моему бефстроганову! – рявкнула я, вспыхнув, и Коул насупился.

Пат. В перепалке взяла ничья, и я упала на диван рядом с мурчащим Штруделем, выуживая из-под него кожаный футляр, чтобы успокоиться. Вряд ли теперь, после взбучки на работе и ссоры, Коула утешит какая-то «Монополия». Как же мне все исправить?

– Ох, пожалуйста, – всплеснул он руками при виде скрипки, загородив собой свет от ламп.

На его лбу проступили морщины, и скулы, и без того острые, как нож для бумаги, прорезались. Ямочку на подбородке окружала щетина, которую Коул сбрит уже следующим утром, как тщательно сбривал ежедневно.

– Да что опять не так? – взвыла я, когда он застыл в таком положении, вперив руки в бока.

– Ты ведь не собираешься играть? – поинтересовался он осторожно.

– Собираюсь, – пожала плечами я, и все вдруг испортилось окончательно и безвозвратно.

– Прямо сейчас?! Ты ведь знаешь, как шумно в офисе и как я устаю от этого. Я прихожу домой ради тишины и уединения, а не ради того, чтобы услышать симфонический оркестр!

– Ну, я могу просто уйти в другую комнату...

– Это не поможет. Твой «Бал Сатаны» слышно на всю округу, Одри! Я и так терплю тебя...

– Терпишь меня? – внутри что-то надломилось, и Коул застыл, прижав руку ко рту. – Ах вот, значит, как...

Мое терпение лопнуло. Бытовые придирки и раздражение из-за отсутствия личного пространства, ведь мы сосуществовали бок о бок двадцать четыре часа в сутки – и дома, и на работе. Конфликт, давно зреющий между нами, переспел, как яблоко. Я взбесилась, подхватила скрипку и натянула поверх толстовки старое пальто.

– Подожди... Давай просто составим распорядок дня, чтобы...

– Не утруждайся, – бросила я холодно. – Я больше не буду играть дома. Буду делать это на улице. Может, заодно и денег заработаю, чтобы съехать от тебя, чистоплюя!

Коул ничего не ответил, и я вышла за дверь.

Как же, оказывается, тяжело жить вместе!

Я брела куда глядят глаза, слишком вымотанная после дня в офисе и ссоры, которую никто из нас в глубине души не хотел затевать. Я знала, что уже завтра буду раскаиваться за свой характер и эгоизм, а Коул – за излишнюю педантичность, но сейчас мне следовало остыть, и я не знала способа лучше, чем этот.

Дойдя до главной площади возле собора, где обычно устраивался выходной рынок, я примостилась к дереву возле фонтана. Бросив перед собой раскрытый чехол, обшитый изнутри малиновым бархатом, я приставила инструмент к плечу и заиграла, не позволяя себе растеряться под мимолетными, но колкими взглядами прохожих.

Однажды я провела так всю неделю в весеннем Лос-Анджелесе, играя день и ночь на скрипке посреди оживленных улиц, когда Рэйчел не стало, а мои финансовые запасы иссякли. Еще наивная и неиспорченная, я тогда и не мыслила о воровстве, ведь ведьмы ковена Шамплейн не воруют – это делают люди, а мы выше людей. Теперь-то я знаю, что это не так.

Вот и сейчас звон монет, сыплющихся в футляр, нарастал. Я играла «Времена года» Вивальди, начав с «Грозы». Она была первым, чему меня обучила мама из сложного репертуара. Мне тогда только исполнилось десять, а мое музыкальное детство с упрощенными версиями Моцарта уже за-

кончилось. К четырнадцати годам я умела исполнять то, чего многие не умели и в двадцать, но и времени на практику уходило достаточно. Звуки скрипки с младенчества служили мне не только отдушиной, но и уроком титанического труда: чтобы услышать прекрасное, нужно было рассечь подушечки пальцев в кровь и не спать ночами. Так же дела обстояли и с магией – мама пыталась донести до меня это с помощью скрипки. Ей удалось привить мне рвение к музыке, а вот ко всему прочему...

Я закрыла глаза, потянувшись к солнечным лучам, которые превращали небо в клубничный зефир, и симфония сменилась на «Лето».

Прошло больше двух часов, и у меня стали неметь от холода пальцы. К закату температура на улице опускалась почти до нуля. Забывшись в любимом занятии, я не заметила, как осенний ветер нагнал тучи. Промозглый дождь не заставил себя долго ждать, и толпы на улицах начали редеть. Я поспешно завершила свое выступление симфонией Лало, решив, что на сегодня хватит.

Спрятавшись глубже под ветви деревьев, я наклонилась к футляру, вытряхивая оттуда деньги, чтобы сложить инструмент.

– Шестьдесят долларов, – прикинула я на глаз, раскладывая деньги по карманам, и вдруг запнулась. – А с этим мне что делать?!

Покрутив в пальцах крупную серебряную монету Веймар-

ской республики, я невольно приснула со смеху. Неужто мимо проходил нумизмат? Блестящая, она была начищена до блеска, будто ее отчеканили только вчера. Никаких пятен коррозии. Кто-то очень хорошо заботился о ее сохранности. И, подняв глаза, я поняла кто.

Высокая, худая, с длинными и блестящими вишневыми волосами, похожими на лисий мех, передо мной стояла Аврора. Как всегда, ягодная помада на губах, а аметистовые глаза подведены фиолетовым. Ее женственность прослеживалась даже в том, как грациозно она держала зонт, стоя на высоких шпильках. Из-под затемненных стекол дорогих очков она взирала то на меня, то на мою скрипку.

– Верховная ведьма, побирающаяся на улице, как бродяжка, – сказала она брезгливо. – Не думала, что мне когда-то доведется лицезреть что-то более ничтожное, чем аннексия Германии после Первой мировой. Уж не за этим я ехала сюда из самого Нью-Йорка.

– Бедняжка, – ядовито заметила я, смахнув с лица мокрую прядь волос, и швырнула серебряную монетку ей в ладонь, обтянутую замшей лиловой перчатки. – А разве вы еще не переселились в Бруклин? Мама рассказывала, твой ковен бедствует уже пятое десятилетие, даже продал имение на Бродвее, лишь бы не возвращаться в Австрию. Однако, погляжу, наряд у тебя не из секунд-хенда... Значит, не так уж все и плохо.

Аврора высокомерно повела бровью.

– Посмотрела вот сейчас на тебя и вдруг поняла, что да, действительно не так уж плохо.

Я молча захлопнула футляр, пока туда не успела натечь вода. Закинув скрипку на плечо, я исподлобья взглянула на Аврору.

Черное трикотажное платье, сквозь ажур которого просвечивали ее голые плечи, обнажало кое-что еще: прерывистые черные линии, окольцовывающие шею, ключицы и наверняка остальное тело. Ни одного сантиметра чистой кожи – все в *метках атташе*. Некоторые из них были совсем новые, гладкие и яркие, а некоторые – размытые и, что самое страшное для ведьмы, выцветшие до розовых келоидных рубцов. Память о тех, кто исполнил свою клятву, безвозмездно отдав за нее свою жизнь. Обещаний на теле Авроры было не счесть, и я вдруг вспомнила напутствующие слова моей матери: «Атташе – это не личная армия, которую можно отправлять на убой, как скот». А вот Аврора так не считала, а потому целых восемь мужчин в черных костюмах слонялись неподалеку, незаметно охраняя ее даже сейчас. Сколько же еще защитников ее ждет в ковене?

– Если уйдешь, то никогда не узнаешь, что именно я приехала тебе предложить, – крикнула она мне вслед, когда я почти очутилась на другой стороне улицы. – Я обращаюсь к тебе, как Верховная к Верховной...

Я ускорила шаг, стараясь не оглядываться, чтобы не попасться на это. Позади раздался щелчок сложившегося зон-

та: Аврора стукнула им по асфальту, и дождь прекратился.
– Я готова продать тебе гримуар.

Мне стало до того смешно, что просто уйти, не глумясь, было выше моих сил.

– Продать? – переспросила я, обернувшись, но, судя по серьезному выражению лица Авроры, не сдвинувшейся ни на шаг, она вовсе не шутила. – Ты продашь мне Книгу своего ковена?

– Что? Своего? Ты думаешь, хоть одна Верховная осмелится продать гримуар, который тысячелетиями наполняли своей кровью целые поколения? – фыркнула она и хитро улыбнулась, а от таких улыбок у меня всегда тревожно сосало под ложечкой, и обычно небезосновательно. – Нет, я предлагаю тебе купить не мою Книгу, а твою.

– Книга моего ковена сгорела в пожаре! – выкрикнула я, разгневанная таким наглым враньем. – Я знаю, потому что сама бросила ее в огонь, лишь бы она не досталась Джулиану. Вместе с ней сгорел целый дом и моя атташе. Там даже пепла не осталось, чтобы применить заклятие восстановления. Как же именно ты вернула гримуар, позволь узнать?

Аврора никогда бы не раскрыла всех своих карт, но заглянуть в один из рукавов она все же позволила – и это выбило из меня яростный вздох:

– Зачем что-то восстанавливать, когда есть копия?

– Ты переписала мамину Книгу? – взревела я, и Аврора кивнула, опираясь о свою длинную зонт-трость.

– Мы с Виви тогда были еще более-менее... дружны, и я не могла упустить такой шанс, – она взмахнула бронзовой копной волос, поправляя жокейку. – Да, я украла ваши заклятия. Все разделы, что были. Там есть даже мои собственные наработки... Готова отдать почти задаром!

Я скрипнула зубами.

– Чего ты хочешь?

Аврора призадумалась. Пик ее триумфа продлился ровно три секунды, ведь скрывать свои аппетиты дольше выдержки ей не хватало.

– Отдай мне Бёрлингтон, – сказала она. – И свои бусы, Вестники даров.

Сердце будто пригвоздило к ребрам.

– Ни за что, – без раздумий отрезала я, дотрагиваясь до нанизанных на золотую нить жемчужин, спрятанных под шелковым шарфиком. – Их подарила мне мама. Это реликвия. От моей семьи и так ничего не осталось...

– Скоро и тебя не останется, – как-то слишком весело произнесла Аврора. – Подумай хорошенько. Твой ковен еще можно спасти... Неужели ты пожалеешь какую-то безделушку в обмен на его возрождение?

– Если это просто безделушка, тогда зачем она тебе?

Аврора сощурилась.

– А вот это уже мое дело. Не позволяй сердечной привязанности лишить тебя будущего. Думай, Одри. Думай наперед.

– Я думаю, потому и спрашиваю, – парировала я и подступилась к Авроре, невольно отмечая, что даже когда я подошла к ней вплотную, она ничуть не изменилась в лице и даже не попробовала отстраниться. – Для чего тебе Бёрлингтон?

Я не славилась высоким ростом, но Аврора была и того меньше – маленькая и миниатюрная, с детским овалом лица, но с умудренным веками взглядом. Округлая шляпка прибавляла ей пару лишних дюймов. Аврора, потянувшись, постучала темно-бордовыми ноготками по футляру моей скрипки.

– Ты все равно с ним не справишься. Территория Шамплейн слишком огромна. Всю ее надо защищать, контролировать, обеспечивать... Для молодой Верховной это тяжкий груз, от которого любая была бы рада избавиться. Так в чем проблема? Меньше территория – меньше проблем.

– Да... Зато твоя территория станет больше, а большая территория – больше душ, которыми можно питаться, не так ли?

Аврора резко побледнела, хотя кожа у нее и без того была прозрачной и белой, точно фарфор. Утратив надменность, она все же осталась умиротворенной и уверенной в себе, только вот нижняя губа предательски дернулась.

Я ухмыльнулась, взяв реванш.

– Когда мама обучала меня магии, она обучала меня и «политике». Рассказывала, на союз с кем можно рассчитывать, а кого не стоит даже пускать на порог... О тебе она рас-

сказывала тоже. *Королева Шепота*. Громко звучит, не спору. В детстве я, любознательная, много бы отдала за твою Шепчущую главу, но сейчас, когда выросла, я понимаю, что даже лишних пятьсот лет жизни не стоят того, чтобы делать то, что делаешь ради них с людьми ты.

Аврора рассыпалась в звонком смехе, ничуть не пораженная тем, что я знаю ее подноготную так же, как она – мою.

– Я никогда не отдам тебе Бёрлингтон, – прошептала я. – Может, поглощая души Нью-Йорка, ты и не уничтожаешь город из-за постоянного притока людей, но Бёрлингтон... Напасти в лице тебя он точно не переживет. К тому же я здесь обзавелась друзьями, так что вот мой тебе ответ: возвращайся домой, старушка. Я как-нибудь обойдусь без твоей сворованной книжонки.

Я махнула ей рукой, демонстративно разворачиваясь и наслаждаясь блаженной тишиной, которую оставила за собой. Ничто не могло переубедить меня: жемчуг матери так же сокровенен, как и жизни здешних горожан. Я, может быть, ужасная дочь и ужасная ведьма, но я не настолько ужасный человек. Я не...

– Это Джулиан убил твою мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.